

● АНТИСТАТИЧЕСКАЯ ПРОПИТКА

Если Ваша одежда потрескивает, притягивается к телу, значит, на ней скопилось статическое электричество.

На предприятиях химчистки такую одежду обработают антистатиком, снимут электрический заряд.

«РОСБЫТРЕКЛАМА»

ISSN 0132-2095 Б-ка «Огонёк», 1989. № 11. 1—64.

ОГОНЁК

№ 11

1989

Сергей ХРУЩЕВ

**П Е Н С И О Н Е Р
С О Ю З Н О Г О З Н А Ч Е Н И Я**

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 11

Издается с января 1925 года

Сергей ХРУЩЕВ

ПЕНСИОНЕР СОЮЗНОГО
ЗНАЧЕНИЯ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1989

Сергей ХРУЩЕВ

Сергей Никитич Хрущев родился 2 июля 1935 года в Москве. После школы С. Н. Хрущев поступил в Московский энергетический институт. В 1958 году, закончив МЭИ по специальности инженер-электромеханик, он начал работать в ОКБ Генерального конструктора В. Н. Челомея. В течение десяти лет Сергей Никитич занимался разработкой приоритетных образцов ракетной техники для оборонной промышленности. С 1968 года С. Н. Хрущев трудится в Институте электронных управляющих машин. Сергей Никитич — доктор технических наук, заместитель директора ИНЭУМа

«Пенсионер союзного значения» — первый литературный опыт С. Н. Хрущева, получивший широчайший читательский отклик в нашей стране и за рубежом после публикации в «Огоньке»

ПЕНСИОНЕР СОЮЗНОГО ЗНАЧЕНИЯ

ЧАСТЬ I

Кончилось лето. Стало прохладнее, на деревьях зажелтели листья. Подходил к концу десятый год пребывания Хрущева на высшем партийном посту Первого секретаря ЦК КПСС.

Ушли в прошлое хлопоты об урожае 1964 года. поездки по сельскохозяйственным районам, поскольку отец своими глазами хотел увидеть, как обстоят дела. Он никогда безоглядно не полагался на доклады секретарей обкомов.

Хороший урожай был очень нужен, ведь в прошлом году из-за засухи хлеба не хватило и пришлось закупать зерно в Соединенных Штатах за золото.

Закончились и намеченные на 1964 год зарубежные поездки — в Объединенную Арабскую Республику, где его тепло принимал президент Насер, в Скандинавские страны.

Осенью отец надеялся отдохнуть, как-то собраться с мыслями и наметить планы на будущее. Замыслы были обширные. в ноябре — декабре должен был состояться очередной Пленум ЦК, на котором ожидали принятия важных решений. Одним из центральных вопросов было положение в сельском хозяйстве. За истекшее десятилетие производство сельскохозяйственных продуктов возросло, но эффективность была далека от тех образцов, к уровню которых стремился отец. Закупленные за границей комплексные фермы не обеспечивали в наших условиях выхода продукции, обещанного фирмами.

Другой не менее важной проблемой была кадровая политика. Президиум ЦК КПСС старел — возраст большинства его членов приближался к шестидесяти, а сам отец только отпраздновал семидесятилетие. Все чаще и чаще он возвращался к мысли: а кто же придет на смену, в чьи руки передать управление страной и партией? Умер Сталин, и пути разошлись, начались споры, разногласия. Кончилось все открытой схваткой. Подобного допускать нельзя, считал отец, выход один — законодательно установить сменность руководства и гласность. Если каждый член Президиума будет знать, что ему отводится, скажем, два срока по

четыре года между съездами партии, он будет больше думать о деле, смелее действовать, меньше оглядываться по сторонам. Да и подрастающее поколение в ЦК, в обкомах будет видеть для себя перспективу.

XXII съезд партии уже принял решение о сменности партийного руководства, но это только первый шаг. Нужно идти дальше, затвердить эти же принципы в новой Конституции. Давно принято решение о подготовке ее новой редакции, создана комиссия, а взяты за это дело отцу все некогда, постоянно отвлекают сиюминутные, требующие немедленного решения дела.

Самое подходящее время для работы над новой Конституцией — отпуск. Там, на мысе Пицунда, меньше будут отвлекать «пожарными» вопросами. Конечно, телефон не выключишь и присылаемые бумаги отнимают время, но разве можно это сравнить с московской суетой. Да и думается там, под соснами, лучше.

Я слышал о планах отца. На Пленуме для начала собирались расширить состав Президиума ЦК. За последние годы выросла молодежь — Шелепин, Андропов, Ильичев, Поляков, Сатюков, Харламов, Аджубей. Очень инициативные товарищи. Они живо откликаются на все новые предложения, на лету улавливают мысль, развивают ее, сразу же вываливают ворох предложений. С ними интереснее, живее идет работа. По существу, в решении многих партийных и государственных дел они играют не меньшую роль, чем члены Президиума, и целесообразно оформить сложившееся положение — обновить Президиум ЦК. К тому же это молодежь — она и придет на смену. Но все это следовало еще и еще раз обдумать.

К сожалению, в отпуск удастся поехать не раньше октября. С весны откладывается смотр новой ракетной техники, а Малиновский нажимает — нужно было принять решение о постановке на вооружение новых межконтинентальных ракет. Смотр новых видов ракетного оружия на одном из полигонов после многократных переносов был окончательно назначен на сентябрь.

Вместе с отцом должны были поехать члены правительства, отвечающие за оборонную промышленность: Брежнев, Кириленко, Устинов. На полигоне их ожидали министры, командующие военными округами, конструкторы.

К сентябрю вся подготовка была закончена, утрясались последние детали — кто будет сопровождать высокое начальство. А поскольку количество желающих во много раз превышало число мест, списки придирчиво проверяли в ЦК и заведующий отделом оборонной промышленности Иван Дмитриевич Сербин безжалостно вычеркивал лишние фамилии.

Мне очень хотелось попасть в число счастливых: ведь на всех прежних смотрах я был среди демонстраторов новой военной техники. Недавно завершилась разработка новой межконтинентальной ракеты.

Сейчас решалась ее судьба. Будут выслушаны мнения сторонников и противников и принято окончательное решение о запуске в серию.

К своей радости, я остался в списках. Началась предотъездная суета. Однако судьбе было угодно распорядиться иначе. За несколько дней до отъезда у меня разболелась нога. Я поначалу не придавал значения такому пустяку. Но через пару дней я уже ходил с трудом. Пришлось обратиться к медицине.

— Ни о какой командировке не может быть и речи, — замахал руками врач. — мы должны положить вас в больницу.

После недолгих препирательств вопрос о больнице отпал, решили, что лечить меня будут дома. Но я уже и сам понимал, что в таком виде на полигоне мне делать нечего.

Мои коллеги улетели, пожелав мне скорого выздоровления, а через пару дней вслед за ними отправился и отец.

Я лежал в постели, читал книги и с грустью смотрел в окно — стояла ясная, солнечная осень. Изредка звонил телефон, и я кое-как ковылял к нему.

Так прошло несколько дней. Известий с полигона не было, да и не могло быть — все находились там.

Чувствовал я себя все лучше и через несколько дней намеревался выйти на работу.

В доме на Ленинских горах я с семьей занимал на первом этаже две комнаты с ванной, они представляли как бы отдельную квартиру, дверь которой выходила в коридор. Напротив располагалась обширная столовая. Вся семья редко собиралась за столом вместе. Каждый был занят собственными делами и ел в удобное для него время. Только вечером, когда отец возвращался с работы, все собирались на короткое время вместе, пили чай, рассказывали новости. Затем отец брал бумаги, пересаживался на свободное от посуды место и начинал читать. Семейное чаепитие заканчивалось, начиналась вечерняя работа. Все потихоньку, чтобы не мешать, расходились по своим комнатам или молча усаживались здесь же на диване и в креслах с газетами или книгами.

У меня были отдельный городской телефон и местный телефон связи с дежурным начальником охраны особняка. Телефоны, которыми пользовался отец, располагались на специальном столике в углу комнаты по соседству со столовой. Там стояли аппараты городской и междугородной правительственной связи, а также городской телефон и прямой телефон в дежурную комнату охраны. Звонил отец по ним редко, только в неотложных случаях, считая, что рабочее время кончилось и надо дать людям отдохнуть, а не загружать их делами, которые можно выполнить в течение рабочего дня. Он очень не любил, когда не соблюдался принятый распорядок рабочего дня и кто-либо засиживался на работе допоздна. Это ему напоминало ночные бдения в сталинские времена.

— То, что вы задерживаетесь по вечерам, говорит не о рвении, а о вашем неумении как следует организовать, — часто повторял он. — Рабочий день кончается в семь часов. После семи сходите в театр, погуляйте, а не просиживайте штаны в кабинете. Иначе назавтра вы не сможете полноценно работать.

Зная это, домой к нам звонили по делу чрезвычайно редко, только в экстренных случаях. Каждый звонок телефона правительственной связи в нашем доме был маленьким событием, и все присутствующие прислушивались к разговору, стараясь из отрывочных фраз понять, что же случилось.

Поэтому, когда однажды вечером во время моей болезни зазвонила «вертушка», я удивился: ведь отца нет в Москве и это все знают.

В трубке раздался незнакомый голос:

— Можно попросить к телефону Никиту Сергеевича?..

— Его нет в Москве, — ответил я, недоумевая, кто же это звонит на квартиру. Тот, кто может звонить по этому телефону, прекрасно знает, где сейчас находится отец.

— А кто со мной говорит? — последовал вопрос.

В голосе чувствовалось разочарование.

— Это его сын.

— Здравствуйте, Сергей Никитич, — заторопился мой собеседник, — с вами говорит Галюков Василий Иванович, бывший начальник охраны Николая Григорьевича Игнатова¹. Я с лета пытаюсь дозвониться до Никиты Сергеевича, мне надо ему сообщить очень важную информацию, и никак мне это не удастся. Наконец я добрался до «вертушки», решил к нему позвонить домой, и опять неудача.

Я очень удивился: о чем может говорить бывший начальник охраны Игнатова с Хрущевым, что у них может быть общего? Ситуация была необычной.

— Выслушайте меня, — заторопился Галюков, опасаясь, и не без оснований, что я положу трубку, — мне стало известно, что против Никиты Сергеевича готовится заговор! Об этом я хотел сообщить ему лично. Это очень важно. О заговоре мне стало известно из разговоров Игнатова. В него вовлечен широкий круг людей.

«Час от часу не легче, — подумал я. — Это, наверное, сумасшедший. Какой может быть заговор в наше время? Чушь какая-то!..»

— Василий Иванович, вам надо обратиться в КГБ к Семичастному. Подобные дела в их компетенции, тем более, что вы сами работаете там. Они во всем разберутся, если будет надо, доложат Никите Сергеевичу, — сказал я, радуясь, что нашел выход из создавшегося положения. Однако радоваться было рано.

¹ Н Г Игнатов — в то время Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР, бывший член Президиума ЦК КПСС.

— К Семичастному я обратиться не могу, он сам активный участник заговора вместе с Шелепиным, Подгорным и другими. Обо всем этом я хотел лично рассказать Никите Сергеевичу. Ему грозит опасность. Теперь, когда вы сказали, что его нет в Москве, я не знаю, что и делать!

— Позвоните через несколько дней. Он скоро вернется.— Я попытался успокоить его.

— Боюсь, это едва ли получится. Просто счастливый случай, что я добрался до «вертушки» и мне удалось остаться в комнате одному. Такое может не повториться, а дело очень важное. Речь идет о безопасности нашего государства,— настаивал голос.— Может быть, вы можете меня выслушать и потом передать наш разговор Никите Сергеевичу?

— Вы знаете, я... немного болен,—мямлил я, пытаясь выиграть время.

Я не знал, что делать. Не хватало мне встрять в подобную историю. Если это сумасшедший, он замучает меня разговорами, беспочвенными подозрениями, звонками. И зачем я подошел...

Ну, а если он нормальный? И вдруг в его сообщении есть хотя бы частица правды? Я, выходя, отмахнулся от него ради собственного покоя? Очевидно, все-таки надо с ним встретиться и разобраться, правда это или игра больного воображения. Конечно, отец терпеть не может, когда домашние суются в его государственные дела. Если я вылезу с такими разговорами, мне может здорово нагореть, несмотря на все его хорошее ко мне отношение. Касайся вопрос новых ракет, удобрений или конвертеров, еще куда ни шло. А тут я, получается, должен буду вмешаться в святая святых — взаимоотношения среди высшего руководства партии и государства. Эта область совершенно запретна для посторонних.

А вдруг это правда? Надо решать.

На том конце провода Галюков ждал ответа. Еще секунду поколебавшись, я наконец решился:

— Ну, хорошо. Скажите ваш адрес, я заеду сегодня вечером, и вы мне все расскажете.

— Нет, нет! Ко мне нельзя. У меня разговаривать опасно. Давайте поговорим где-нибудь на улице. Вы знаете дом ЦК на Кутузовском проспекте? Это дом, где живет ваша сестра Юля. Скажите, как выглядит ваша машина, я буду ждать на углу.

— У меня машина черного цвета, номер 02—32. Ждите, я буду через полчаса,— сказал я.

Мы попрощались.

Обеспокоенный, я пошел переодеваться, на ходу убеждая себя, что весь этот разговор — плод большого воображения и мне по возвращении только придется пожалеть о потере нескольких часов. Но на душе было беспокойно...

Быстро переодевшись, я пошел к расположенному у ворот гаражу, где стояла машина.

Дежурный офицер привычно распахнул высокие, выкрашенные зеленой краской железные ворота, отделявшие двор от улицы. Все было как обычно. Необычна была только сама поездка, ее цель. Ехать предстояло недалеко, от силы минут пятнадцать, и я стал внутренне собираться, готовясь к разговору.

В то время я не знал, что информация о назревающих событиях еще раньше дошла до моей сестры Рады. Летом 1964 года ей позвонила какая-то женщина. Фамилии ее она не запомнила. Эта женщина настойчиво добивалась встречи с сестрой, заявляя, что она обладает какими-то важными сведениями. Рада от встречи всячески уклонялась, и тогда, отчаявшись, женщина сказала по телефону, что ей известна квартира, где собираются заговорщики и обсуждают планы устранения Хрущева.

— А почему вы обращаетесь ко мне? Такими делами занимается КГБ. Вот туда и звоните, — ответила Рада.

— Как я могу туда звонить, если председатель КГБ Семичастный сам участвует в этих собраниях! Именно об этом я и хотела с вами поговорить. Это настоящий заговор.

Семичастный в те времена дружил с Алексеем Аджубеем, мужем сестры. Часто бывал у них в гостях.

Вся эта информация показалась Раде несерьезной. Она не захотела тратить время на неприятную встречу и ответила, что, к сожалению, ничего сделать не может, она частное лицо, а это дело государственных органов. Поэтому она просит больше ей не звонить.

Новых звонков не последовало...

Поступала такая информация и в ЦК. Об этом через много лет рассказывал бывший начальник охраны Никиты Сергеевича полковник Литовченко. Она поступала к первому помощнику Г. Т. Шуйскому, который ее предусмотрительно «топил».

К тому времени Шуйский проработал с Хрущевым уже около тридцати лет, почти со Сталинграда, но, видимо, в тот момент решил сменить ориентацию...

Я ехал по Бережковской набережной Москвы-реки. Небо было закрыто тучами. Временами срывались капли дождя. Начинались сумерки.

Вот и поворот у гостиницы «Украина». Через несколько минут стал виден большой, облицованный кремовыми плитками дом ЦК. На углу маячила одинокая мужская фигура в темном пальто и глубоко надвинутой шляпе.

Я остановил машину.

— Вы Василий Иванович Галюков?

Человек кивнул в ответ и оглянулся. На вид ему было лет пятьдесят.

— Я — Хрущев. Садитесь.

Он осторожно сел на переднее сиденье рядом со мной. Я тронул машину.

— Что же вы хотели рассказать? Я вас слушаю.

Мой пассажир нервничал. Несколько раз он оглянулся, внимательно посмотрел в заднее стекло и нерешительно предложил:

— Давайте поедем куда-нибудь за город. В лесок. Там спокойнее.

Невольно и я глянул в зеркало, но ничего подозрительного не заметил. Как обычно, по Кутузовскому проспекту несся поток машин.

— Что ж, за город так за город. Поехали на окружную, а там что-нибудь придумаем.

Молчим. Вот путепровод через окружную дорогу. Сворачиваем направо, проезжаем под мостом, и уже мелькают по обе стороны подмосковные леса. На ум приходили головокружительные эпизоды из детективов. Никогда бы не подумал, что самому придется участвовать в чем-то подобном. Слева проплыла обширная автомобильная стоянка, где пристроились несколько легковушек и большой грузовик с плечевым прицепом — видно, водитель решил тут заночевать. Переглянулись с Василием Ивановичем — нет, тут слишкомлюдно, нам нужно уединение. Двинулись дальше. Прошло уже около получаса, скоро будет Внуковское шоссе.

Справа показался проселок, ведущий в молодой сосняк. Свернули на него. За поворотом появилась большая поляна.

Уже начинало смеркаться, а низкие тучи придавали окружающему безобидно-мирному пейзажу некую таинственность.

Наконец я остановил машину. Мы вышли на траву и двинулись по тропке. Тропка узкая, идти рядом было неудобно — ноги то и дело попадали в заросшие еще зеленой травой ямки.

Галюков начал разговор. Вот что он рассказал мне.

— В бытность Николая Григорьевича Игнатова членом Президиума ЦК я состоял при нем, занимая должность начальника охраны. Вы меня, наверное, не запомнили, а я вас хорошо знаю. Бывал с «хозяином» на даче у Никиты Сергеевича и вас там видел.

Вообще-то с Игнатовым жизнь меня столкнула давно, я у него начал работать порученцем еще в 1949 году. В 1957 году Николая Григорьевича избрали секретарем ЦК и членом Президиума, а я стал начальником его охраны. Отношения у нас были не чисто служебные, а, я бы сказал, дружеские. Сопровождая его в поездках, я был как бы его компаньоном и собеседником, на мне он «разряжался», говорил подчас то, что не сказал бы никому другому. И я был ему предан.

Когда Николая Григорьевича на XXII съезде КПСС не избрали в Президиум ЦК, мы вместе с ним переживали это, мягко говоря, неприятное событие. Кроме всего прочего, ему теперь не полагался начальник охраны, а я, конечно, привязался к нему за долгие годы.

— Не переживай,— успокаивал меня Игнатов,— я тебя пристрою.

Уходи из органов. Свое ты уже отслужил, пенсию заработал. Остались у меня друзья, найдется тебе хорошее место.

Так я в 1961 году вышел на пенсию и начал работать в Комитете заготовок старшим референтом. Потом пришлось мне подыскивать новое место. Позвонил я Николаю Григорьевичу, и он пообещал помочь. Игнатов в то время работал Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР, и в скором времени он подыскал мне нехлопотную должность у себя в хозяйственном отделе. Работы там особой не было. Когда Николай Григорьевич ехал отдыхать или в командировку, я обычно сопровождал его. Он любил часть отпуска использовать весной; в Москве еще снег, морозы, а мы едем в Среднюю Азию, там уже настоящее лето. Местные руководители принимали нас по старой памяти по высшему разряду, а это Игнатову очень льстило. Бывало, толкнет меня в бок:

— Смотри, Вася, как меня ценят...

Если не в Среднюю Азию, то на Кавказ махнем — там ему тоже очень нравилось.

Сопровождал я его в поездках на отдых и летом, обычно в августе. На мне лежали заботы об обеспечении комфорта. Николай Григорьевич придавал большое значение тому, где, как и с кем он будет жить. Ему хотелось, чтобы условия не отличались от тех, к которым он успел привыкнуть, отдыхая в качестве секретаря ЦК на госдачах.

Так было и в этом году. Вызвал он меня к себе в кабинет третьего августа. Захожу, вижу, сидит он за столом довольный, вид у него хороший, как после отдыха.

Сказал мне, что решил восьмого ехать отдыхать на Кавказ, и, как бы сомневаясь, спрашивает:

— Может, и тебе поехать со мной?

О том, что он собирается на отдых, я уже знал, он заранее мне поручил все подготовить.

На предложение ехать отдыхать вместе я ничего не ответил, решать ему. Поэтому я только доложил, что для отдыха все подготовлено, что я договорился с директором санатория «Россия» в Сочи об отдельной даче. Обычно мы там останавливались.

На этот раз Николай Григорьевич вдруг вспылал:

— Переговорил, договорился... Что ты там можешь сделать своими разговорами?

Я ничего не понял:

— Может, мне тогда с вами не ехать?

— Там видно будет, — проворчал Игнатов. — Можешь идти.

На этом разговор окончился, мы распрощались суше, чем обычно, и я ушел, не понимая, чем вызвана такая реакция. Вины за мной нет — все сделано, как обычно.

Прошло несколько дней, Николай Григорьевич молчит. «За что ж это, — думаю, — он на меня обиделся?»

Шестого августа мне позвонил начальник секретариата Игнатова и передал указание позвонить Николаю Григорьевичу.

Седьмого утром я ему позвонил, и он как ни в чем не бывало говорит:

— Ты готов? Завтра вылетаем в Сочи.

Такие отъезды для меня были привычными. Я быстро собрал вещи и восьмого утром позвонил на квартиру Игнатову. Он живет в том же доме, что и я.

Забрал я его чемоданы, и вдвоем на игнатовской «Чайке» поехали во Внуково. В тот же день мы были в Сочи.

Расположились на отведенной нам даче — она стояла несколько на отшибе в саду, поодаль от основных корпусов. После обеда отправились гулять по территории санатория. Николай Григорьевич был в хорошем расположении духа, шутил. Дача ему понравилась.

— Вполне ничего дачка, на уровне, — обратился он ко мне и, следуя каким-то своим мыслям, добавил:

— Вообще-то Брежнев и Подгорный перед отъездом предлагали мне поселиться на четвертой госдаче.

— Так что, сказать, что мы займем эту дачу? — спросил я. — А они сказали Никите Сергеевичу? Ведь эти дачи вроде только для членов Президиума. Вдруг он узнает, и будут неприятности?

Игнатов ничего не ответил, и мы молча пошли по дорожке. Николай Григорьевич повернул обратно, а я следовал за ним на полшага позади.

Как бы в раздумье Игнатов бросил мне:

— Всему свое время. А Хруща они не слушаются.

Ругал он Никиту Сергеевича часто, особенно в последнее время, после вывода из состава Президиума, но бывало это после крепкой выпивки и по поводу каких-то конкретных решений. Игнатов считал, что на месте Никиты Сергеевича он все сделал бы иначе. Однако чтобы он ни говорил о Хрущеве, чувствовалось, что он его побаивается. А тут явно намекает, что с Хрущевым можно вообще не считаться, — это была новая нотка.

— Надо решить вопросы с продуктами и катером. Какие будут указания? Вы мне в Москве ничего не говорили, — уходя от этой темы, спросил я.

— Все в порядке. Я уже договорился с Семичастным и о катере, и о продуктах, и о подключении «ВЧ» к нашей даче. Спроси у дежурного: они получили распоряжение, — хохотнул Игнатов, глядя на мое вытянувшееся от удивления лицо.

Раньше у Игнатова с Семичастным не было никаких отношений. Более того, Игнатов терпеть его не мог, ругал за всякую оплошность, хотя в то же время боялся Семичастного, зная его хорошие отношения с Хрущевым, а особенно дружбу с Аджубеем. О том, чтобы обратиться с просьбой к Семичастному, раньше не могло быть и речи.

«Что же произошло? — недоумевал я. Позвонил дежурному по санаторию и дежурному по КГБ — оба ответили, что все распоряжения о снабжении продуктами и катере получены.

Я доложил Игнатову.

Он был очень доволен.

— Есть же такие хорошие люди — Шелепин и Семичастный. Они мне ни в чем не откажут.

Такая перемена в отношениях между этими людьми тоже была непонятна. Почему плохо скрываемая вражда сменилась такой сердечностью? Тут явно что-то было не так... Потом Игнатов попросил меня узнать, кто еще из членов ЦК отдыхал поблизости.

Из дачи я позвонил секретарю Сочинского горкома партии, сказал ему, что Николай Григорьевич Игнатов отдыхает в санатории «Россия» и интересуется, кто из товарищей отдыхает в Сочи. Такой вопрос был обычным: каждый вновь прибывший в первую очередь интересовался соседями.

Секретарь горкома всегда был в курсе дела. Он тут же ответил мне, что в соседних санаториях отдыхает несколько первых секретарей обкомов, в частности Камчатского, Белгородского и Волынского. Фамилия последнего, кажется, Калита. Я все доложил Игнатову.

— Спасибо, а звонить в горком больше не надо. Сами разберемся, — ответил он.

Прошло несколько дней. Игнатов никем больше не интересовался. Каждый занимался своими делами. Я старался ему особенно глаза не мозолить.

Вдруг мне передают, что он срочно меня разыскивает. Через несколько минут я был у Игнатова.

— Знаешь, мне показалось, что я видел секретаря Чечено-Ингушского обкома Титова. Правда, он был далеко и я мог обознасться. Позвони в регистратуру санатория, узнай, он это или нет. Если спросят, кто говорит, скажи, звонят из обкома.

Оказалось, что Титов действительно отдыхает рядом в «люксе». Я позвонил к нему в номер, но мне ответили, что он вышел. Я попросил передать, что звонили от Игнатова, который отдыхает здесь на даче и просит товарища Титова позвонить ему.

На следующий день Игнатов довольным голосом сообщил мне, что Титов звонил и он пригласил его в гости.

— Ты организуй все, — сказал он.

Организация застолья была одной из моих обязанностей во время нашего совместного отдыха. Собрались гости. Стол накрыли на веранде. Коньяк, осетрина, икра, шашлык — все как обычно.

Кроме Титова, пришел Чмутов — председатель Волгоградского обкома и еще несколько человек, кто, я сейчас и не припомню.

В перерывах между тостами Игнатов много вспоминал о своей работе в Ленинграде. Чмутов и другие рассказывали анекдоты о Хрущеве.

Все громко смеялись. Ничего подозрительного в этой встрече не было — собрались, выпили, поболтали и разошлись.

Игнатов остался доволен встречей. Несколько раз во время прогулок он возвращался к разговору о Титове.

— Очень хороший человек Титов, нужный нам, стоящий, — говорил Игнатов.

Август близился к концу.

Двадцать девятого Игнатову вдруг позвонил Брежнев. Я присутствовал при этом разговоре.

Брежнев сказал, что раз Игнатов отдыхает в Сочи, то он его просит на пару дней съездить в Краснодар для участия в торжествах по случаю награждения объединения «Краснодарнефтегаз» Северо-Кавказского совнархоза орденом.

Игнатов с готовностью согласился.

— Заодно прощупаю Георгия, — пообещал он (Георгий — это секретарь Краснодарского сельского крайкома партии Воробьев, давний знакомый Игнатова). — Леня, у меня были Титов с Чмутовым. Выпили немного, языки поразвязались. Их слова говорят сами за себя. Они отражают общее настроение. Однако меня беспокоит Грузия. Числа десятого сентября вернусь из отпуска и думаю съездить в Тбилиси. Надо там поработать.

— А что тебя в Грузии беспокоит?

— Прочитал я в газетах письмо какой-то стодвадцатилетней колхозницы в адрес Никиты Сергеевича. Это неспроста. Видно, они там не понимают ситуации.

— Только-то. Пусть это тебя не беспокоит, — успокоил его Брежнев.

— Так это твоя работа? Тогда другое дело, — обрадовался Игнатов. — Есть еще кое-что. Говорил с Заробяном¹ из Армении, он настроен хорошо. Наш человек. Леня, но об одном я тебя прошу, все надо сделать до ноября.

Они еще немного поговорили о погоде, об охотничьих успехах Леонида Ильича, и Игнатов положил трубку. Он радостно улыбался: было видно, что разговор ему по душе.

— Я забыл сказать, — спохватился Галюков, — сразу по приезде в санаторий Николай Григорьевич предупредил меня, что во время отпуска собирается съездить в Грузию, Армению, Орджоникидзе и еще куда-то.

— Скучно сидеть на одном месте, — пояснил он.

Однако поездка все откладывалась.

— Подожди, не время. — отмахивался он, когда я напоминал, что надо побеспокоиться о билетах.

¹ Заробян — первый секретарь ЦК Компартии Армении в период Н. С. Хрущева

В Краснодар мы выехали тридцатого августа, на следующий день после разговора с Брежневым. Остановились в крайкомовском особняке. Вечером того же дня приехали гости — Байбаков, Качанов, Чуркин и другие руководители.

Сели ужинать. За ужином разговор крутился вокруг завтрашнего митинга по случаю награждения. Подробно обсуждали процедуру. Наконец, все разъехались. Ужином Игнатов остался недоволен. Видимо, настроение ему испортило отсутствие Воробьева, он так и не приехал.

— Гордится. Не едет... — бурчал он.

— Что ж тут такого особенного? Конец августа, самая уборка, а у них туго с планом по хлебу. Наверное, носится по районам, — попытался я успокоить Игнатова, но он только махнул рукой.

Тридцать первого августа состоялся митинг, на котором Николай Григорьевич, как Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР, вручил орден. Как обычно после митинга был большой банкет для местного партийного и советского актива. Оттуда мы вернулись в особняк. С нами в машине ехали Качанов и Чуркин. Они проводили Николая Григорьевича до дверей, распрощались и уехали.

Вскоре подъехал Трубилин — председатель крайисполкома. Они с Игнатовым стали дожидаться Воробьева, который провожал уезжавшего в тот же день секретаря Саратовского обкома Шибаева. Часам к одиннадцати вечера приехал Воробьев. Посидели они втроем в доме несколько минут, и Игнатов с Воробьевым вышли в парк, примыкающий к особняку. Трубилина с ними не было, он остался в доме. Я пошел его искать — он сидел в комнате один, расстроенный. Видно, ему тоже хотелось принять участие в разговоре. Вдвоем с ним мы стали дожидаться возвращения Игнатова с Воробьевым. Выпили по рюмочке коньяку. Я затеял разговор об успехах края, награждении, но Трубилин отвечал вяло, видно было, что мысли его там, в парке. Время тянулось медленно. Прошел час. второй. Игнатов с Воробьевым все гуляли. Для Игнатова это было очень необычно: как правило, он ложился спать в одиннадцать часов, и должно было случиться что-то из ряда вон выходящее, чтобы заставить его изменить своим привычкам.

В час ночи Трубилин начал нервничать, несколько раз подходил к двери, ведущей в парк, пытался разглядеть гуляющих. Потом не выдержал и отправился их искать. Вскоре он вернулся, еще более мрачный.

— Все гуляют. Мне завтра работать. Поеду домой спать. С ними я попрощался, — ответил он на мой немой вопрос.

Трубилин вызвал машину и уехал. Я тоже отправился спать, после банкета у меня слипались глаза. Игнатов с Воробьевым продолжали кружить по дорожкам парка.

О чем они говорили, я не знаю. На следующее утро Воробьев приехал опять. Мы только встали. С ним был новый гость — Миронов из Ростова. Чуть позже приехал Байбаков. Все вместе сели завтракать. После

завтрака Байбаков заторопился по делам и уехал, а остальные пошли гулять в парк. Завязался оживленный разговор. Мне было видно, как Игнатов что-то доказывает, а остальные молча слушают.

Далеко они отойти не успели — дежурный доложил, что по «ВЧ» звонит Брежнев и просит к телефону Игнатова. Вместе с Николаем Григорьевичем в комнату зашли Воробьев и только что подъехавший Качанов.

Я остался за дверью, но через нее разговор был отчетливо слышен. Говорили о награждении.

Сначала слышался голос Игнатова:

— Спасибо, Ляня, все прошло хорошо. Спасибо за помощь, без тебя пришлось бы туго.

Дело в том, что Брежнев помог оформить выделение денег на банкет, ведь сейчас проведение банкетов за государственный счет запрещено, и запрет этот строго контролируется. Только Брежнев как второй секретарь ЦК мог дать такое разрешение.

— У меня здесь Воробьев,— продолжал Игнатов, обращаясь к Брежневу,— мы с ним обо всем переговорили. Говорил я еще с саратовским секретарем Шибаевым. Сначала не понимали друг друга, но потом нашли общий язык, так что с ним тоже все в порядке, я его обработал.

Они попрощались, пожелали друг другу успехов, и трубку взял Воробьев. Сперва поговорили о награждении, Воробьев поблагодарил Брежнева за высокую оценку их труда, пообещал еще настойчивее добиваться новых успехов. За ним трубку взял Качанов и говорил о том же самом.

После разговора все, оживленные, вышли на крыльцо и стали обсуждать, что делать дальше. Решили сначала заехать в крайком, а оттуда в Приморско-Ахтарский район на рыбалку.

Воробьев по дороге от нас отделился, остался в крайкоме, а с нами поехали Качанов и Чуркин. Все было подготовлено на высоком уровне. На месте уже дожидался накрытый стол, на костре булькала уха. Первым делом выпили и закусили. Все это заняло несколько часов. За столом наперебой рассказывались рыбацкие и охотничьи истории одна другой невероятней, а былые уловы увеличивались с каждым тостом.

После короткого отдыха отправились на вечернюю зорьку — кто с ружьем за утками, кто со спиннингом.

На следующий день повторилось то же самое, и в Краснодар мы вернулись только под вечер второго сентября.

В особняке дожидался Воробьев. Поговорив с Игнатовым, быстро собрался и куда-то уехал. К ужину он возвратился, а после ужина повторилась старая история — опять они вдвоем гуляли до часу ночи, что-то обсуждая.

На следующий день мы собрались уезжать. Провожали нас Воробьев, Качанов, Чуркин, Трубилин. Прощаясь, Николай Григорьевич при-

гласил всех в Сочи в ближайшую субботу, шестого сентября, к себе на обед. При этом специально подчеркнул, чтобы приезжали без жен.

Шестого сентября у нас собралось человек двадцать. Были Байбаков, министр культуры РСФСР Попов, приглашенные краснодарцы и другие, Качанов и Трубилин опоздали — задержались в дороге.

Обед затянулся допоздна, было много тостов. Воробьев вспомнил о Ленинграде, о том, какую правильную и принципиальную позицию занимал Игнатов, находясь на посту секретаря Ленинградского обкома. Зацепили и Козлова.

В бытность Игнатова секретарем Ленинградского обкома он «прославился» проведением жесткой линии по отношению к интеллигенции. Тогда много говорили о его грубости и невыдержанности. В ЦК была направлена коллективная жалоба, подписанная многими деятелями литературы и искусства. В результате Игнатов был освобожден от работы и направлен первым секретарем обкома в Воронеж — там-де люди попроще и с работой справиться легче.

Часов в десять вечера обед подошел к концу. Наиболее стойкие остались допивать и доедать, а остальные разбрелись кто куда. Игнатов, оставшись один, позвал меня и приказал соединить его по «ВЧ» с дачей Подгорного в Ялте.

Пока подзывали к аппарату Николая Викторовича, он зажал рукой микрофон и попросил:

— Давай сюда быстренько Георгия, только так, чтобы другие не увязались.

Я пригласил в кабинет Воробьева. Там уже находился Титов.

Пока я ходил за Воробьевым, Подгорный на том конце провода уже взял трубку. О чем был разговор, не знаю. По-видимому, Подгорный пожелал Игнатову успехов. В ответ Николай Григорьевич многозначительно произнес:

— Главный успех не от нас, а от тебя зависит.

Тут он обратил внимание, что я остался в кабинете, и кивнул мне — можешь быть свободен.

Чтобы не мешать разговору, я потихоньку вышел и закрыл дверь.

Все происходившее в последние дни — шушуканье допоздна, недомолвки, намеки, — все это возбуждало любопытство и настораживало меня. Вот и сейчас выставили. Через дверь разобрать слова было невозможно, да и не хотелось мне оказаться в роли подслушивающего. «В конце концов эти дела меня не касаются», — решил я и, потоптавшись в коридоре, вышел на крыльцо.

Справа светилось окно кабинета, и сквозь стекло были видны три мужские фигуры, окружившие телефонный аппарат. Я видел, что теперь трубку взял Титов. Голос его слышался довольно хорошо, хотя слова разбирались с трудом.

Мне очень захотелось послушать, о чем же это они говорят с Подгорным, для чего такая конспирация. Обычно Игнатов любил демон-

стрировать свои близкие отношения с членами Президиума ЦК и громко кричал в трубку: «Здравствуй, Леня!» или «Привет, Коля!»

Только я спустился с крыльца, как заметил приближавшуюся по дорожке фигуру.

— Вася, а где Николай Григорьевич? — окликнул меня незнакомец.

Это был Трубилин. Он не заметил, куда делись Игнатов, Титов и Воробьев, и теперь разыскивал их по парку.

— Вот там все собрались, — показал я Трубилину на освещенное окно кабинета.

Он заторопился в дом, но тут же вернулся.

— Всё прячутся. Они всё знают, а я ничего не знаю...

— О ком это вы?

Трубилин встрепенулся:

— Не буду говорить. ну их. Я и без них всё знаю, ведь все постановления идут через меня...

Бормоча что-то себе под нос, он скрылся в темноте.

Из кабинета вышли Игнатов, Титов и Воробьев. На ходу они вполголоса о чем-то говорили, видимо, обсуждали разговор с Подгорным.

Заметив меня на крыльце, они умолкли и начали прощаться. Краснодарцы остались ночевать на соседней даче, а остальные отправились по домам.

Утром, проводив краснодарцев домой, Николай Григорьевич пригласил меня на прогулку. Разговор крутился вокруг вчерашнего приема.

— Видишь, никто за него и тоста не поднял. Это хорошо! — с удовлетворением произнес Игнатов.

— За кого «за него»? — не понял я.

— За Никиту.

Без видимой связи с предыдущим он добавил:

— Титов — хороший человек.

Это была его обычная оценка окружающих: те, кто согласен с Игнатовым, поддерживает его, — хорошие люди, остальные — нехорошие, разных оттенков.

— Ничего, Вася, — успокоил он меня, — подожди немного. И у тебя впереди есть перспектива. Не волнуйся.

Я не стал уточнять, что он имеет в виду, и разговор перешел на рыбную ловлю.

Больше ничего примечательного в Сочи не произошло. Отпуск подходил к концу, и я еще раз напомнил Николаю Григорьевичу, что он собирался заехать в Армению.

— Не поеду. Заробян был у Брежнева в Москве. Пора домой собираться, — ответил он.

В Москву мы вернулись девятнадцатого сентября.

В понедельник я был у него на даче, занимался устройством различных хозяйственных дел. Игнатов часто использовал меня в качестве секретаря и в этот раз, увидев меня, попросил соединить с Кириленко, от-

дыхавшим в Новом Афоне. Трубку взял дежурный и, узнав, кто спрашивает, ответил, что Андрей Павлович купается в море и к телефону подойти не может.

Этот естественный ответ, к моему удивлению, привел Игнатова в волнение.

«На самом деле купается или говорить не хочет?» — бормотал он, ни к кому не обращаясь.

Нервничая, Николай Григорьевич стал названивать Брежневу в ЦК. Трубку «вертушки» взял секретарь:

— Леонида Ильича нет на работе и сегодня не будет. Он заболел.

Тут Игнатов совсем разнервничался. Шагая из угла в угол, он приговаривал:

— Болеет или не болеет? Что это у него за болезнь? Нужная это болезнь или ненужная?..

Почувствовав себя лишним, я вышел.

Вернулся я в кабинет примерно через час. Игнатов сидел в кожаном кресле и умиротворенно улыбался.

— Ничего. Все в порядке. У него просто грипп. Все нормально, — сказал он.

Я не понял: почему грипп у Брежнева — это хорошо?.. Но этот разговор добавил к списку необычных событий, происходивших в течение последнего месяца.

Если сложить все эти мелочи вместе, получается подозрительная картина. Недомолвки, намеки, беседы один на один с секретарями обкомов, неожиданная дружба с Шелепиным и Семичастным, частые звонки Брежневу, Подгорному, Кириленко... Почему упоминается ноябрь? Что должно быть сделано до ноября?

Галюков стал пересказывать различные эпизоды, характеризующие отношение Игнатова к моему отцу, — одни относились к прошлым годам, другие произошли совсем недавно.

Дурной характер Игнатова был известен всем, не была секретом и его неприязнь к Хрущеву, он не мог смириться с неизбранием в состав Президиума ЦК. И раньше Игнатов после нескольких рюмок любил поговорить в своем кругу о том, что всю работу в ЦК тянет он, остальные бездари и бездельники, а Хрущев только штампует подготовленные им решения и произносит речи.

Надо все не спеша обдумать и решить, что делать дальше. Пороть горячку в таком деле нельзя.

ЧАСТЬ II

Я взглянул на часы — гуляли мы почти два часа. Стало совсем темно. Мы повернули к машине.

Я поблагодарил Василия Ивановича за сообщение, заверил, что отнóшуся к его словам с полным доверием и со всей серьезностью. Пообещал.

шал, как только появится отец, сразу же пересказать ему все. На всякий случай попросил номер домашнего телефона — вдруг что-то понадобится. Василий Иванович неохотно продиктовал мне его.

— Сергей Никитич, пожалуйста, звоните мне только в случае крайней необходимости, — нерешительно сказал он. — И прошу вас, ничего по телефону не говорить, только условиться о встрече. Мой телефон прослушивается, я в этом убежден. Даже проверял: не платил за телефон долгое время. По всем законам аппарат должны были отключить, а этого не сделали. Значит, меня подслушивают, — заключил Галюков.

Я опять почувствовал себя участником детективной истории — слежка, подслушивание телефонов, заговоры. Все это было непривычно, жутковато и нереально. До сего времени я привык, что КГБ и другие службы находятся в лагере союзников. Им можно доверять, на них можно опереться. Сколько я себя помню, вокруг дома стояла охрана из людей в синих фуражках. Я всегда видел в этих людях своих друзей, собеседников и даже участников детских игр.

И вдруг эта организация повернулась другой стороной. Она уже не защищала, она выслеживала, знала каждый шаг. От таких мыслей по спине начинали бегать мурашки.

В глубине души я надеялся, убеждал себя, что этот дурной сон пройдет, все выяснится и жизнь покатится дальше по привычной колее. И все же что-то говорило: нет, это очень серьезно, и, как бы ни сложились дальнейшие события, по-прежнему уже ничего не будет.

Как выяснилось позднее, и Галюков, и я были одинаково наивны в оценке возможностей КГБ. Его опасения о подслушивании домашнего телефона оказались только частью истины. Телефон правительственной связи на квартире Хрущева тоже прослушивался, а наша встреча с Василием Ивановичем была зафиксирована от первого до последнего шага. Потом мы не могли сделать ни шагу без ведома компетентных органов.

Но в тот момент, уславливаясь о «конспирации», мы, естественно, ничего не знали. Вернее, Галюков беспокоился, я же, на словах соглашаясь с ним, в душе посмеивался: у страха глаза велики. Впрочем, считал я, осторожность тоже не повредит. И ему будет спокойнее, независимо от того, правда это или нет — человек пришел с добрыми намерениями.

Пора было возвращаться. Без приключений мы выбрались на дорогу, огляделись: «хвоста» за нами не было. Святая простота!..

Через полчаса я высадил Василия Ивановича напротив его дома, пообещав позвонить, если возникнет необходимость. Еще раз поблагодарил его за информацию. Через несколько минут я въезжал во двор особняка. Дежурный открыл ворота, и вот я уже отгорожен от внешнего мира. Здесь, внутри, все было так знакомо, спокойно и незыблемо. Происшедшее там, за воротами, отсюда казалось совсем нереальным и опасным.

Отца нет, он приедет через несколько дней, и пока можно заняться

другими делами. «Заговорщики» подождут, никуда не денутся. Приедет отец и во всем разберется, все поставит на свои места.

Пришли первые сведения с полигона. Показ военной техники заканчивался, но для конструкторского бюро генерального конструктора Челомея, где я работал, результаты оказались нерадостными. Межконтинентальная баллистическая ракета, разработку и испытания которой мы только что закончили, не выдержала конкуренции со стороны аналогичной ракеты КБ Михаила Кузьмича Янгеля. Эти две ракеты делались параллельно и предназначались для решения одинаковых задач.

Уже в процессе испытаний военные начали отдавать предпочтение ракете Янгеля. Их активно поддерживал Дмитрий Федорович Устинов. Хотя в то время он уже непосредственно не занимался оборонными делами, но авторитет его, как одного из отцов ракетной техники в нашей стране, был чрезвычайно велик, и слово его значило многое. Леонид Ильич Брежнев, к которому после инсульта Козлова вместе с постом второго секретаря ЦК перешло наблюдение за военной промышленностью, по свойственной ему мягкости характера не высказывал определенного мнения. Несколько месяцев тому назад к нему на прием побился Челомей. С присущим ему красноречием он убедил Брежнева в преимуществах своего детища и получил заверения в полной поддержке.

Однако в августе случилось «несчастье». Устинов пошел к Брежневу, они проговорили за закрытыми дверями несколько часов, и мнение Брежнева резко переменилось. Это чувствовалось по недомолвкам и общему отношению работников аппарата ЦК к нашему КБ, чутко улавливающих любое изменение в симпатиях руководства.

Брежнева связывало с Устиновым давнее знакомство. Впервые они сошлись сразу после войны, когда Брежнев был секретарем Днепропетровского обкома. На строительных площадках восстанавливаемого города молодой настойчивый министр и познакомился с симпатичным секретарем обкома. С тех пор и связывала Устинова и Брежнева если не дружба, то непроходящее чувство взаимного расположения. Пути их расходились, они не виделись годами, но при встречах с удовольствием вспоминали конец сороковых. Энергичный и целеустремленный Устинов подчинял своей воле Брежнева, известного своим податливым характером. Об этом знали все.

О чем же говорили в августе Устинов с Брежневым? Свидетелей не было. Сейчас можно предположить, что главной темой были не челомеевские или янгелевские ракеты: речь, видимо, шла о будущем без Хрущева. Ракетные дела затронули лишь вскользь — пока надо сосредоточиться на главном.

Не подозревая, о чем же шла речь на этой встрече, мы все ломали головы: в чем Устинов убедил Брежнева? (Как выяснилось, мы не угадали: на сей раз Брежнев убеждал Устинова.) Какую позицию займет Леонид Ильич? Челомей нервничал, бесконечно твердил:

— Я знаю характер Леонида Ильича. Он согласится со всем, что ему скажет Устинов. Устинов им командует, как хочет, он полностью подчиняет его своей воле.

Технические характеристики ракет были примерно одинаковы, а поэтому чашу весов мог перевесить в любую сторону самый незначительный аргумент.

И вот информация — Хрущев высказался не в нашу пользу. И хотя нашему КБ недавно был дан крупный заказ и будущее рисовалось в розовом свете, неудача с первым опытом создания баллистической ракеты всех опечалила. Однако это были только первые сведения, и Хрущев, и Челомей находились на полигоне. Мы с нетерпением ждали их возвращения, хотелось все узнать из первых рук.

Все эти события отодвинули на второй план проблемы, высказанные Галюковым. Там все сомнительно, а здесь сейчас решается судьба нашего детища, плоды упорной работы последних нескольких лет.

Отец за эти дни подзагорел под осенним солнцем пустыни, выглядел посвежевшим. Он был доволен увиденным и, как обычно, спешил поделиться своими впечатлениями. Отец рассказывал о них своим коллегам за обедом в Кремле, а дома его собеседником был я. Работая в КБ, я разбирался в технике, и отец как бы проверял на мне свои впечатления, расспрашивал о деталях.

На полигоне ему показали новый трехместный «Восход», который в ближайшие дни должен будет стартовать на орбиту искусственного спутника, представили его экипаж — Комарова, Феоктистова и Егорова.

Отец был прямо-таки переполнен гордостью за нашу страну, обогнавшую в космосе Соединенные Штаты.

Окружающие вовсю поддакивали ему, стремились поддержать иллюзию, что США вот-вот останутся позади и первая страна социализма станет самой передовой технической державой.

В первый день по возвращении с полигона отец, не заезжая домой, отправился в Кремль. Домой он приехал в шестом часу, оставил в столовой портфель с бумагами и позвал меня:

— Пойдем погуляем.

В последнее время отец сменил кожаную папку, которой пользовался все это время, на черный портфель с монограммой на замке.

Этот портфель подарил ему один из иностранных посетителей. Чем-то он ему понравился, и, вместо того чтобы передать его, как обычно, помощникам и забыть о нем, отец оставил портфель себе и не расставался с ним до самой отставки.

Ритуал вечерней прогулки повторялся ежедневно — от дома к воротам, легкий кивок взявшему под козырек офицеру охраны, поворот налево на узкую асфальтированную аллею, идущую вдоль высокого каменного забора. Дорожка с обеих сторон обсажена молодыми березками. В углу маленькая лужайка со стайкой березок посередине. Здесь короткая остановка — нельзя не полюбоваться на них. Это тоже вошло

в привычку. И опять поворот налево. Справа за забором — соседний особняк, точная копия того, в котором живем мы. Раньше там жил Маленков, после него Кириченко, а сейчас дом пустует. В заборе зеленая калитка, и при желании можно пройти через соседний участок к Воронову и дальше до особняка, занимаемого Микояном.

Сегодня мы проходим мимо калитки и идем дальше, обходя дом справа. Березки уступили место вишневым деревьям. Весной это пышные шары, покрытые белыми цветами, а сейчас на тоненьких веточках только кое-где торчат одинокие красноватые листочки — осень...

Дом позади, и дорожка начинает петлять по склону над Москва-рекой — по серпантину можно спуститься до самого берега, а затем вернуться и завершить круг.

Мы гуляем вдвоем — эта привычка выработалась у нас обоих. Так происходит изо дня в день. Иногда присоединяются Рада и Аджубей, реже мама. Наша же пара постоянна.

Часть пути шли молча, видимо, отец устал и говорить ему не хотелось.

Я иду рядом, раздумывая: начать разговор о встрече с Галюковым или отложить? Говорить на эту тему не хотелось — можно нарваться на грубое: «Не лезь не в свое дело». Такое уже бывало в разговорах о Лысьинко и генетике. Сейчас мое положение было еще более щекотливым — никто и никогда не вмешивался в вопросы взаимоотношений в высшем эшелоне руководства. Эта тема запретна. Отец никогда не позволял даже себе высказываться в нашем присутствии о своих коллегах.

Я же должен не только нарушить этот запрет, но намеревался обвинить ближайших соратников и товарищей отца в заговоре...

Да и по-человечески мне этого делать очень не хотелось. И Брежнев, и Подгорный, и Косыгин, и Полянский — все они часто бываюу у нас в гостях, гуляют, шутят. Многих я помню с детства еще по Киеву. Если все это окажется ерундой, выдумкой малознакомого человека, в чем я все время пытаюсь себя убедить, как я взгляну потом им в глаза, что они будут обо мне думать?

Словом, я решил отложить разговор.

Вместо этого я осведомился о его впечатлениях, о показе техники. Сначала нехотя, а потом все более и более увлекаясь, отец начинает говорить. Глаза его загораются, на лице уже не видно усталости. Ракеты — это его гордость. Он перечисляет типы ракет, сравнивает их характеристики, вспоминает разговоры с главными конструкторами и военными. Отец горд: теперь мы сравнялись по военной мощи с Америкой. Когда он стал Первым секретарем ЦК в начале пятидесятых годов, США были недостижимы, а американские бомбардировщики могли поразить любой пункт на нашей территории. Теперь же сам президент США Кеннеди признал равенство военной мощи Советского Союза и Соединенных Штатов. И всего за десять лет! Есть чем гордиться.

Выбрав удобный момент, я спросил: «А как тебе понравилась наша ракета?»

Явно не желая обсуждать этот вопрос, видимо, там, на полигоне, обо всем этом было много разговоров, отец ответил:

— Ракета хорошая, но у Янгеля лучше. Ее и будем запускать в производство. Мы все обсудили и приняли решение. Не поднимаю этот вопрос сызнова.

Я промолчал, хотя было очень обидно за наш коллектив, который столько сил вложил в разработку.

Как бы почувствовав это, отец добавил:

— У вас много хороших предложений. Мы одобрили программу работ. Сейчас Смирнов¹ занимается оформлением.

Закончилась неделя. В субботу вечером, как обычно, все отправились на дачу. Жизнь текла по давно заведенному привычному ритуалу: в воскресенье утром завтрак, отец просмотрел газеты, отметил заинтересовавшие его статьи и пошел гулять.

Снова мы гуляли вдвоем. Отец любил бродить по лесной дорожке вдоль забора дачи — длина ее около двух километров, без больших подъемов. В последнее время он их стал замечать. Семьдесят лет давали себя знать.

Дорожка извивалась в густом сосновом лесу. Шли молча, я все выбирал момент, оттягивая начало разговора. Дошли до калитки, через нее можно было выйти за ограду дачи на лужок в пойме Москва-реки. Когда мы переехали на эту дачу, луг стоял заросшим густой зеленой травой. Отец приспособил луг к делу. Один год тут высевали чумизу, потом луг покрывался грядками с разными сортами кукурузы. Отец привозил своих коллег на дачу и с жаром объяснял особенности возделывания каждого сорта.

Сейчас луг был разрыт. Везде валялись бетонные столбы, лотки, трубы. Сельскохозяйственная делегация привезла из Франции новинку — оросительную систему, вода в которой текла по бетонным лоткам, установленным на столбиках над землей. Отцу это очень понравилось: вода не теряется в почве, и арыки не отнимают землю у посевов. Он загорелся новой идеей и решил испытать ее у себя на даче. Сказано — сделано. Была дана команда, и через неделю появились строители. Луг превратился в строительную площадку.

Теперь мы шли по краю леса, и отец с удовольствием обозревал содеянное. Ему уже виделась ровные рядки лотков, на полтора метра поднятые над землей и наполненные тихо журчащей водой. Через мерные отверстия на каждую грядку отмеряется нужное количество воды для полива, ни больше ни меньше и без потерь.

¹ Смирнов Л. В. — в тот период заместитель Председателя Совета Министров СССР.

Обойдя луг, мы повернули обратно. Неприятный разговор больше откладывать было нельзя, прогулка заканчивалась. Сейчас, вернувшись на дачу, отец примется за бумаги, потом обед, но, главное, вокруг будут люди, а мне не хотелось затевать этот разговор при свидетелях.

— Ты знаешь,— начал я,— произошло необычное событие. Я должен тебе о нем рассказать. Может, это ерунда, но молчать я не вправе. Затем я коротко рассказал о странном звонке и встрече с Галюковым. Отец выслушал меня молча. К середине рассказа мы дошли до калитки, ведущей к дому. Секунду поколебавшись, он повернул обратно на луг.

Я закончил свой рассказ и замолчал.

— Ты правильно сделал, что рассказал мне,— наконец прервал молчание отец.

Мы прошли еще несколько шагов.

— Повтори, кого назвал этот человек,— попросил он.

— Игнатов, Подгорный, Брежнев, Шелепин,— стал вспоминать я, стараясь быть поточней.

Отец задумался.

— Нет, невероятно, Брежнев, Подгорный, Шелепин — совершенно разные люди. Не может этого быть,— в раздумье произнес он.— Игнатов — возможно. Он очень недоволен, и вообще он нехороший человек. Но что у него может быть общего с другими?

Он не ждал от меня ответа. Я выполнил свой долг — дальнейшее было вне моей компетенции.

Мы опять повернули к даче. Шли молча. Уже у самого дома он спросил меня:

— Ты кому-нибудь говорил о своей встрече?

— Конечно, нет! Как можно болтать о таком?

— Правильно,— одобрил он,— и никому не говори.

Больше к этому вопросу мы не возвращались.

В понедельник я впервые после болезни отправился на работу. За ворохом новостей о происходившем на полигоне я совсем забыл о Галюкове.

Вечером, когда отец вернулся из Кремля, я был уже дома. Увидев подъезжавшую машину, я вышел навстречу.

Отец, продолжая вчерашний разговор, сразу же начал без предисловий:

— Видимо, то, о чем ты говорил, чепуха. Мы с Микояном и Подгорным вместе выходили из Совета Министров, и я в двух словах передал им твой рассказ. Подгорный просто высмеял меня: «Как вы только могли такое подумать, Никита Сергеевич?» — вот его буквальные слова.

У меня сердце просто упало. Этого мне только не хватало: завести себе врага на уровне члена Президиума ЦК. Ведь если все это ерунда, то Подгорный, да и другие, кому он не преминет обо всем рассказать,

никогда мне не простят. Все, что я передал отцу, можно квалифицировать как провокацию против них.

Начиная разговор с отцом, я опасался чего-то подобного. Боялся, что информация выйдет наружу, но такого я предположить не мог.

Правда, и раньше случались похожие происшествия. Некоторое время назад отец долго меня расспрашивал о сравнительных характеристиках различных ракетных систем. Я рассказал ему все, что знал, стараясь сохранить объективность. Я не хотел выступить апологетом своей «фирмы». На вооружении нашей армии должно быть все самое лучшее, а кто что сделал — вопрос другой. Слишком дорого мы заплатили в 1941 году за субъективизм, чтобы забыть эти кровавые уроки. А через несколько дней, выступая на Совете обороны со своими соображениями о развитии индустрии вооружений, отец вдруг бухнул: «А вот Сергей мне говорил то-то и то-то»...

Когда мне об этом сообщили, я за голову схватился! И надо же было мне лезть со своим мнением вперед. Можно было сказать, что я, мол, не в курсе дела. Вот и «продемонстрировал» свою эрудицию и рвение в защите государственных интересов. А теперь люди, с которыми я работаю, не простят мне ни одного критического замечания отца в их адрес.

С тех пор я решил больше в такие ситуации не попадать. И вот на тебе — еще хуже — влопался по самые уши и с кем?! С членами Президиума ЦК!!!

— В среду я отправлюсь, как собирался, на Пицунду, по дороге залечу в Крым, проеду по полям в Краснодарском крае, — продолжал отец. — На всякий случай я попросил Микояна побеседовать с этим человеком. Он тебе позвонит. Пусть проверит. Он тоже собирается на Пицунду, задержится тут немного, все выяснит, когда прилетит, мне расскажет.

Я расстроился. Если все чепуха, то зачем об этом говорить? Ну, а если нет, то как же можно выпускать нить событий из рук? Если же поручать расследование Микояну, то как можно было делать это на ходу, в присутствии Подгорного, о котором шла речь как об участнике готовящихся событий? Все получалось на редкость несерьезно и глупо. В любом случае я оказывался в самом нелепом положении.

Однако дело было сделано, и переживать было поздно. На ход событий я повлиять уже не мог.

— Может, тебе задержаться и самому поговорить с этим человеком? — робко предложил я.

Отец поморщился. Было видно, что заниматься этим делом он не станет.

— Нет. Микоян — человек опытный. Он все сделает. Я устал, хочу отдохнуть. И вообще... давай прекратим этот разговор.

— Можно я тоже прилечу на Пицунду? В этом году я в отпуске не

был. Поживу там с тобой,— переменял я тему разговора. В конце концов ему виднее, как поступать в подобной ситуации.

— Конечно! Мне будет веселее,— обрадовался он.— Сведешь этого чекиста с Микояном, бери отпуск и приезжай.

Отец улетел в Крым, где провел пару дней, а затем, с заездом в Краснодарский край, прибыл на Пицунду. Я оставался в Москве, решив не проявлять больше инициативы. Несколько дней прошло в обычных служебных хлопотах. Никто мне не звонил. Иногда на меня накатывало какое-то предчувствие опасности, но я гнал его прочь — нечего впадать в панику. Свой долг я выполнил — остальное не мое дело...

И вдруг как-то, в один из этих предотъездных дней у меня на столе зазвонил телефон. Я снял трубку.

— Хрущева мне,— раздался требовательный голос.

Обращение было по меньшей мере необычным, и я несколько опешил.

— Я вас слушаю.

— Микоян говорит,— продолжал мой собеседник.— Ты там говорил Никите Сергеевичу о беседе с каким-то человеком. Можешь его привезти ко мне?

— Конечно, Анастас Иванович. Назовите время, я созвонюсь и привезу его, куда вы скажете,— отозвался я.

— На работу ко мне не привози. Приезжайте на квартиру сегодня в семь часов вечера. Привези его сам и поменьше обращайтесь на себя внимание,— то ли попросил, то ли приказал Анастас Иванович.

— Не знаю, удастся ли его сразу разыскать. Ведь у меня только домашний телефон, его может не быть дома,— засомневался я.

— Если не найдешь сегодня, привезешь завтра. Только предупреди меня,— закончил Анастас Иванович.

Я тут же набрал телефон Галюкова. На мое счастье, он оказался дома и сам снял трубку.

— Василий Иванович, с вами говорит Сергей Никитич,— начал я, умышленно не называя фамилии.— С вами хочет поговорить Анастас Иванович. У него надо быть в семь часов вечера, я за вами заеду без двадцати минут семь.

В тоне Галюкова было мало радости по поводу моего звонка, а когда я сказал о Микояне, он просто испугался.

— Я бы не хотел, чтобы меня узнали. Меня хорошо знает Захаров¹, могут быть неприятности,— пробормотал он.

— Не беспокойтесь. Мы поедem прямо на квартиру в моей машине, я сам буду за рулем. В семь часов уже темно. Охрана меня хорошо знает в лицо, я часто у них бываю, дружу с сыном Микояна — Серго. Они не будут выяснять, кто сидит со мной в машине,— успокоил я его.

¹ Захаров Николай Степанович — в октябре 1964 года один из руководящих сотрудников КГБ, в прошлом начальник управления охраны.

Не знаю, подействовали ли на Василия Ивановича мои разъяснения, или он понял, что выхода у него другого нет, но больше он не возражал.

Без пяти минут семь мы были у ворот особняка Микояна. Как я и ожидал, выглянувший в калитку охранник узнал меня и, ничего не спрашивая, открыл ворота. Мы подъехали ко входу и быстро прошли в незапертую дверь. Аллея перед домом делала поворот, и от въезда нас не было видно.

Прихожая была пуста. Меня это не смутило, я хорошо знал расположение комнат в доме. Раздевшись, мы поднялись на второй этаж и постучали в дверь кабинета.

— Войдите, — раздался голос Анастаса Ивановича.

Микоян встретил нас посреди комнаты, сухо поздоровался. Одет он был в строгий темный костюм, только на ногах были домашние туфли. Я представил ему Галюкова.

Обычно Анастас Иванович встречал меня приветливо, осведомлялся о делах, подшучивал. На этот раз он был холодно-официален и всем своим видом подчеркивал, насколько ему неприятен наш визит. Такой прием меня окончательно расстроил — вот первый результат моего вмешательства не в свое дело. А что будет дальше?

Все особыни на Ленинских горах были похожи друг на друга, как близнецы. Даже мебель в комнатах была одинаковой.

Так же как и в доме, где жили мы, стены кабинета Микояна были покрыты деревянными панелями под орех. Одну стену целиком занимал большой книжный шкаф, заставленный сочинениями Ленина, Маркса, Энгельса, материалами партийных съездов.

В углу у окна стоял большой письменный стол красного дерева с двумя обтянутыми коричневой кожей креслами перед ним. На столе сгрудились четыре телефона: массивный белый «ВЧ», обтекаемый, с только что появившимся витым шнуром «вертушка», попроще черный городской, и без наборного диска — для связи с дежурным офицером охраны.

Чуть в стороне на отдельном столике — большая фотография лихо казачего унтер-офицера в дореволюционной форме, с закрученными черными усами и четырьмя Георгиями на груди — подарок Буденного.

Анастас Иванович предложил нам сесть в кресла. Сам он устроился за столом. Обстановка была сугубо официальной.

— Ручка есть? — спросил он меня.

— Конечно, — не понял я, полез в карман и достал авторучку.

Микоян показал на стопку чистых листов, лежавших на столе.

— Вот бумага, будешь записывать наш разговор. Потом расшифруешь запись и передашь мне.

После этого он обратился к Галюкову несколько приветливее:

— Повторите мне то, что вы рассказывали Сергею. Постарайтесь быть поточнее. Говорите только то, что вы на самом деле знаете. До-

мысли и предположения оставьте при себе. Вы понимаете всю ответственность, которую берете на себя вашим сообщением?

Василий Иванович к тому времени полностью овладел собой. Конечно, он волновался, но внешне это никак не проявлялось.

— Да, Анастас Иванович, я полностью сознаю ответственность и отвечаю за свои слова. Позвольте изложить вам только факты.

Галюков почти слово повторил то, что он говорил мне во время нашей встречи в лесу.

Я быстро писал, стараясь не пропустить ни слова.

Пока Галюков рассказывал, Микоян периодически кивал ему головой, как бы подбадривая, иногда слегка морщился. Но постепенно он стал явно проявлять все больший интерес.

Василий Иванович закончил рассказ об уже известных мне событиях и вопросительно посмотрел на Микояна.

— Вы давно работаете с Игнатовым? Расскажите о нем, может быть, вас что-то настораживало раньше? — поинтересовался Микоян.

Галюков начал вспоминать о каких-то фактах многолетней давности, они неожиданно влетали в недавние события.

— Нужно сказать, что отношение Игнатова к Хрущеву менялось в зависимости от продвижения Николая Григорьевича вверх или вниз по служебной лестнице. А у него постоянно взлеты перемежались падениями. В эти периоды он начинал зло ругать Хрущева.

Когда нас перевели из Ленинградского обкома в Воронеж, Игнатов был очень недоволен — из второй столицы выбросили в рядовую область.

Помню, приехал Никита Сергеевич в Воронеж на совещание по сельскому хозяйству. Он тогда объезжал основные районы, проверял подготовку к севу, беседовал с активом. Вышел Хрущев из вагона, поезд был не специальный, а обычный. Вокруг народ снует, каждый своим делом занят: одни целуются, обнимаются, другие уже вещички к выходу тащат. Никто на Хрущева внимания не обращает. Только уж если кто совсем на него переть начинает, охранник в штатском вежливо ручкой показывает — мол, обойдите стороной.

Все это недолго продолжалось.

Местное начальство, конечно, встречать Хрущева приехало: обком, исполком, военные, как принято. Только мы подошли, толпа стала собираться — любопытно, кого это встречают. Тут и узнали Хрущева, зааплодировали, приветствовать стали, выкрики раздались одобрительные. Игнатов все заметил и, когда мы, проводив Хрущева в приготовленную для него резиденцию, садились в свою машину, удовлетворенно отметил:

— Не любят его. Видел, как плохо встречали?

Совещание проходило бурно. На нем были не только воронежцы, но и руководители соседних областей. Никита Сергеевич часто переби-

вал докладчиков, задавал вопросы, вставлял едкие критические замечания. Другим доставалось, а Воронежскую область он даже похвалил.

В перерыве, когда Игнатов вышел из комнаты президиума, я поздравил его:

— С успехом вас, Николай Григорьевич. Нас одних Никита Сергеевич похвалил.

— Что ж, я мало труда вложил? — задиристо ответил Игнатов.

— Бывает, работаешь, работаешь, сил не жалеешь, а начальство приедет и по косточкам разложит.

— Хм, попробовал бы он только. Я бы его сам разделал... — отошел он и отошел.

Или вот в ту же осень отдыхали мы в Сочи, как обычно. Я узнал, что на отдых приезжает Хрущев. Доложил об этом Игнатову и предложил съездить в Адлер на аэродром встретить.

Игнатов меня выругал:

— Хруща-то? Иди ты с ним... Если хочешь, встречай сам.

Надо сказать, что в раздражении он никогда не произносил фамилию правильно, а сокращал презрительно: «Хрущ».

Потом из Воронежа мы перебрались в Горьковский обком. И там Игнатов не мог забыть, что его выдворили из Ленинграда, по каждому поводу выражал свое неудовольствие.

Стал Хрущев именоваться не просто секретарем ЦК, а Первым секретарем. — Игнатов тут же:

— Вот, приставку себе приделал. Ничего, он долго не протянет. Лет пять еще от силы. Возраст у него уже преклонный.

Про пленумы и совещания по сельскому хозяйству отзывался неизменно презрительно:

— Ничего у них не выйдет. Болтовня одна...

Потом все переменялось. Хрущев приезжал в Горький; он тогда предложил отсрочку платежей по займам. Они долго разговаривали с Игнатовым, и того как подменили — начал он Хрущева расхваливать на всех перекрестках. Я думаю, что у них был разговор о переводе Игнатова на работу в Москву.

В 1957 году в первых числах июня Никита Сергеевич пригласил Игнатова (он тогда еще в Горьком был) и Мыларщикова (заведующего Отделом сельского хозяйства ЦК КПСС) к себе на дачу посмотреть посевы. Стал он нам показывать грядки с чумизой и кукурузой. Тогда Хрущев увлекался чумизой, надеясь, что ее можно будет выращивать в наших условиях и получать большие урожаи. Когда выяснилось, что культура эта требует большого ухода и очень капризна, Никита Сергеевич к ней охладел и впоследствии к мысли о широком ее внедрении не возвращался.

Когда Хрущев и Мыларщиков отошли чуть в сторону, Николай Григорьевич поманил меня:

— Скажи Мыларщикову, пусть уезжает, не задерживается. Мне с Хрущевым наедине поговорить надо.

Мыларщиков вскоре уехал.

В это время против Хрущева выступила «антипартийная группа». Игнатов был на стороне Хрущева.

Хрущев довольно долго гулял с Игнатовым, о чем-то ему рассказывал, видимо, о ситуации, сложившейся в Президиуме ЦК, говорил о позиции, занятой Молотовым, Кагановичем, Маленковым и другими.

Мы с начальником охраны Хрущева следовали за ними чуть поодаль и, естественно, разговора не слышали, только под конец до нас долетела фраза, сказанная Игнатовым:

— ...Это дело нужное. Надо его решать.

Видимо, речь шла о Пленуме ЦК, который должен был вот-вот собраться для обсуждения разногласий, возникших в Президиуме. На этом Пленуме после осуждения «антипартийной группы» Игнатов вошел в состав Президиума ЦК. Он был на седьмом небе от счастья, но пытался не подавать вида, как будто ничего иного и не могло произойти.

Сразу же он озаботился вопросом, как распределятся портфели в Президиуме и какой пост достанется ему. К Хрущеву с этим вопросом он идти не решился и подключил к выяснению Валентина Пивоварова, он в то время работал секретарем в приемной Хрущева.

Вскоре Пивоваров сообщил Игнатову:

— Прощупал Хрущева. Будешь секретарем ЦК.

Игнатов очень обрадовался. Он рассчитывал занять пост второго секретаря. Просто был уверен в этом. И тут разочарование — вторым секретарем избирают Алексея Илларионовича Кириченко, а Игнатов становится рядовым секретарем, отвечающим за сельское хозяйство.

Ярости его не было границ.

— Чем я хуже Кириченко? Что я, хуже его разбираюсь?

Благожелательное отношение к Хрущеву опять перешло в плохо скрытую ненависть.

Хрущев стал для него как бы навязчивой идеей. Бывало, вглядывается мне в лицо и вдруг говорит:

— Ну и рожа у тебя. Да ты такой же держиморда, как Хрущ. Другой раз сидит в кресле, молчит и как бы про себя бурчит:

— Он же дурак дураком...

— Вы о ком, Николай Григорьевич? — спрашиваю.

— О Хруще, о ком же еще? И я мог бы так же. Говорили мне, что бы брал руководство. И надо было.

— Но ведь тяжеловато... — осторожно возразил я.

Этот эпизод привлек внимание Микояна, и он уточнил:

— А когда это было?

— Точно не скажу, помню только, что в 1959 году. Видимо, такая точка зрения сложилась в результате разговоров Игнатова с приятелями:

Дорониным, Киселевым, Жегалиным, Денисовым, Хворостухиным, Лебедевым, Патоличевым...

— Товарищ Галюков,— вмешался опять Анастас Иванович,— вы сами говорите, что неприязнь Игнатова к Хрущеву существует давно, а обратились к нам только сейчас. Чем это вызвано? Почему у вас появились сомнения? Когда это произошло?

Василий Иванович был готов к ответу, видимо, он много думал на эту тему:

— Сомнения, подозрение, что что-то происходит, оформились у меня в Сочи, в этом году. Раньше разговорам Игнатова я особого значения не придавал — болтал себе и пусть болтал. Гуляем, а он ругает Хрущева, остановиться не может. Никак не мог простить, что его на XXII съезде не выбрали в Президиум ЦК:

— В 1957 году мой Пленум был, без меня они бы не справились. (Речь идет об обсуждении «антипартийной группы» Молотова, Кагановича и других.— С. Х.) И «двадцатка» (XX съезд КПСС.— С. Х.) — моя. Сколько я сделал! А он сельское хозяйство запустил. Я бы за два-три года все поднял, он только болтает, а дела нет!

Летом разговоры стали целенаправленные. Кроме того, его отношения со многими людьми вдруг резко изменились. До последнего лета Игнатов плохо относился к Шелепину, Семичастному, Брежневу, Подгорному и многим другим. Доброго слова о них не говорил, а тут постепенно все они перешли в разряд друзей. Сам Игнатов не переменялся, значит, изменились обстоятельства, что-то их объединило в одной упряжке. После 1957 года до последнего времени Игнатов при каждом удобном случае злословил по адресу Брежнева:

— Занял пост, а что он сделал? Даже выступить как следует не мог. Лазарь (Каганович.— С. Х.) на него прикрикнул, он и сознание от страха потерял, «борец»¹.

¹ Вскоре после XIX съезда партии, когда Сталин резко расширил Президиум и Секретариат ЦК, Брежнев избрали секретарем ЦК. После смерти Сталина состав этих органов был сокращен до прежних размеров. Пришлось подыскивать места для «безработных». Брежнев определили начальником политуправления Военно-Морского Флота, что было, без сомнения, не очень почетно для него. Леонид Ильич остро переживал такой поворот своей судьбы. Когда обстановка несколько разрядилась, Никита Сергеевич вспомнил о своем старом соратнике, и Брежнев вновь занял пост секретаря ЦК. В июне 1957 года на заседаниях Президиума и Секретариата ЦК он оказался среди меньшинства, поддерживающего Хрущева. Дебаты были бурными.

Когда очередь выступать дошла до Леонида Ильича, он начал что-то говорить, отстаивая свою позицию, но слушать его не стали, а Каганович грубо оборвал:

— А ты чего лезешь? Молод еще нас учить. Никто твоего мнения не спрашивает. Мало во флоте сидел? Смотри, обратно загоним — не выберешься.

Расстановка сил на заседаниях была не в пользу Хрущева, и угроза была вполне реальной. Брежнев испугался, силы ему изменили, и после такой отповеди он упал в обморок. Пришлось вызывать врача и приводить его в сознание.

Потом отношение Игнатова к Брежневу стало более ровным, но он ревниво следил за каждым его шагом.

Николай Григорьевич все время сохранял надежду на возвращение в Президиум ЦК и лелеял мечту занять пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

В начале этого года, когда стало известно, что Брежнев в скором времени полностью сосредоточится на работе в Секретариате ЦК, Игнатов начал активно обзванивать всех, выясняя, кого планируют на освободившееся место, какие у него шансы. В это время Хрущев находился на Украине, Брежневу Николай Григорьевич звонить не хотел, но постоянно переговаривался с Подгорным. Тот его обнадежил, передав свой разговор с Хрущевым в Крыму. Они тогда затронули вопрос о Председателе Президиума, видимо, у Хрущева к тому времени не сложилось определенного мнения о возможной кандидатуре. На вопрос Подгорного, кто же планируется на этот пост, Хрущев ничего не ответил.

Тогда, как сообщил Подгорный Игнатову, он решил спросить напрямую:

— Может быть, подошел бы Игнатов?

Хрущев ответил неопределенно:

— Посмотрим, посоветуемся.

Основываясь на этом случайном разговоре, Николай Викторович уверял Игнатова, что он убедил Хрущева, и определенно обещал:

— Никита Сергеевич согласился со мной и думает решить вопрос о твоём назначении.

У Игнатова вырвалось непроизвольно:

— Ну, а если правда?..

Он и верил и не верил, что давняя мечта может сбыться. И поэтому попытывался у Подгорного: что же еще сказал Хрущев, насколько все это точно?

Подгорный, естественно, ничего добавить не мог, разговор был мимолетным, и больше в поездке к нему не возвращались. Оставил он Игнатова окрыленным надеждой, и тем сильнее было разочарование. Председателем Президиума стали вы, Анастас Иванович. Узнав об этом, Николай Григорьевич целый вечер почем зря чистил и вас, и Никиту Сергеевича. В этом году, возвращаясь домой, Николай Григорьевич часто сообщал как бы невзначай: «Долго мы сегодня у Николая засиделись» — и замолкал многозначительно. Иногда бросал: «был сегодня у Брежнева. Полезно поговорили. Он меня уверял, что все будет хорошо».

Надо сказать, что после того как Подгорного резко критиковали на Президиуме ЦК, Игнатов очень близко с ним сошелся. Раньше отношения с ним были прохладными. Взять хотя бы поездку на празднование 150-летия вхождения Азербайджана в состав России. Игнатов очень хотел поехать в Баку руководителем делегации Москвы. Вроде все шло к тому, но в последний момент делегацию возглавил Подгорный. Опять

разговорам не было конца. «И чего его черт туда несет... Опять мы будем на вторых ролях...» — причитал Игнатов. В Баку ему все не нравилось, особенно доклад Ахундова на торжественном заседании. В нем часто цитировался Хрущев. Игнатов возмущался: «Зачем это Ахундову надо? Зачем как попка за ним повторяет? Совсем ситуации не понимает...»

В Баку нас поселили в одном особняке с Подгорным, но Игнатов с ним почти не общался. Поздороваются только и разойдутся в разные стороны. Подгорный готовился к выступлению, а Игнатову делать было нечего, и, чтобы убить время, он целыми днями гулял вокруг особняка.

Ему нужен был слушатель, и я неизменно его сопровождал. На какую бы тему ни начинался разговор, постепенно он стягивался к Подгорному. Казалось, о другом Игнатов не может думать. Чего-то он опасался, часто повторял в раздумье:

— Опасный это человек. Ох, опасный... А что о нем ребята его говорят, охрана?

Я тогда, помню, уклонился от прямого ответа.

— Мы, Николай Григорьевич, об этом не разговариваем. Между собой такие темы не затрагиваем.

— Ладно. Может, оно и правильно. Но человек он опасный. Очень опасный.

Разговор на том и прекратился.

В Баку Николай Григорьевич держался особняком, видно, чувствовал себя обиженным. Он только встретился с Заробяном, просидел часа два, но о чем говорили, я не знаю.

Галюков замолчал, видимо, собираясь с мыслями:

— Еще вспоминаются разрозненные эпизоды. Не могу сказать конкретнее, но Игнатов часто упоминал о недовольстве военных. «И им Хрущ, — говорит, — надоел, со своими сокращениями — поперек горла. Они только и ждут, чтоб его...»

Игнатов тогда не договорил, а только со смаком подковырнул большим пальцем.

Анастас Иванович заинтересовался:

— А как вы думаете, кого он имел в виду?

Галюков замялся:

— Не знаю. Он фамилий не называл. Вот с маршалом Коневым они часто встречались. Вместе были в Чехословакии на похоронах Антонина Запотоцкого и там сблизились. После ухода Конева в отставку отношения у них остались теплыми. Они перезванивались, поздравляли друг друга с праздниками, но настоящей близости, дружбы не было. Других я не знаю... Был еще такой эпизод. Перед поездкой в Болгарию Брежнев позвонил Игнатову, по какому вопросу, я уже запомнил, но одна фраза засела у меня в голове.

Уже прощаясь, Игнатов предупредил: «Леня, имей в виду, я был там в 1960 году, мы с Живковым долго говорили наедине. Настроен он

критически, даже сказал мне: «Странно ведет себя ваш...», но продолжать не стал».

Еще один факт.

Когда приезжал к нам Радхакришнан, Николаю Григорьевичу позвонил Высотин из Протокольного отдела Верховного Совета СССР и предупредил, что во время поездки по стране он будет сопровождать высокого гостя. Игнатов любил такие поездки, они были для него добрым знаком — о нем помнят, без него обойтись не могут. Однако на сей раз вышла осечка; следом за Высотиным вечером домой Игнатову позвонил Георгадзе. Извинившись, он сказал, что говорит по поручению Микояна:

— Мы планировали вас в поездку с Радхакришнаном. Сегодня обсуждался маршрут, и Анастас Иванович предложил посетить Армению. Если вы не возражаете, то Анастас Иванович хотел бы сам поехать туда с индусами. Скоро приезжает с визитом афганский король — вот вы с ним и поедете.

Игнатов возражать не стал, но очень расстроился.

На следующий день утром я зашел к Игнатову. Все сидели за столом, завтракали. Тут же на столе лежала кипа утренних газет, видно, их только что просматривали.

Сын Игнатова Лев, продолжая прерванный моим приходом разговор, недовольно заметил:

— А в газетах-то не написано, что Микоян сопровождает делегацию... Просто не хотели, чтоб ты поехал. Понимаешь, это вопрос политики.

Игнатов насупился над тарелкой и кивнул головой:

— Да, все не просто. Они хотят меня в тени держать.

Галюков заерзал на стуле и вопросительно посмотрел на Анастаса Ивановича:

— Вы просили рассказывать обо всем, даже о мелочах. Может, это и мелочь, но мне кажется, она хорошо характеризует общее настроение Игнатова.

Микоян кивнул:

— Рассказывайте все.

Василий Иванович продолжал:

— Или вот такой факт. Игнатов ежедневно пересчитывает, сколько раз в газетах упоминается Хрущев. Если есть фотография, то пристально ее рассматривает. Поглядит, поглядит, хмыкнет удовлетворенно: «Что ни говорите, а физиономия его с каждым днем выглядит все хуже и хуже».

В последнее время Игнатов выглядел очень нервным, часто срывался на крик, особенно его беспокоило, почему Никита Сергеевич не уезжает в отпуск. Даже выругался недавно: «И что он, черт, отдыхать не едет?» Мне кажется, этот повышенный интерес к отпуску Хрущева как-то связан со всем происходящим, — добавил Галюков.

— Вы излагайте факты, а выводы мы сделаем сами,— повторил Анастас Иванович.

— Надо сказать,— снова продолжил Галюков,— что Игнатов неслестно отзывается и о других членах Президиума ЦК. Вот, например, Полянского он иначе как «прощельга» не называет. Воронов для него — человек ограниченный. Косыгину дал кличку «Керенский», часто повторяет, что дела тот не знает, за что ни возьмется — все провалит. Подобным образом он отзывается и о многих других.

Заметив, что Анастас Иванович проявляет интереса, Галюков переменял тему.

— В последние дни отношение ко мне Игнатова переменялось. Я думаю, что факт моего разговора с Сергеем Никитичем стал ему известен. Очевидно, за нами следили и предупредили Игнатова. Николай Григорьевич стал очень настороженным, никаких откровенных разговоров со мной не ведет и вообще старается держать меня подальше. Конкретные факты привести трудно, но я чувствую, что он мне больше не доверяет.

На днях Николай Григорьевич, собираясь на торжественное заседание по случаю столетия Первого Интернационала, позвонил мне. Это было в четыре часа. Меня на месте не было. Вернулся я домой в семь вечера и, узнав, что Игнатов меня искал, сразу позвонил ему на работу. Он взял трубку. С преувеличенным вниманием Игнатов стал меня спрашивать, как идут дела, что нового.

Я ответил, что все нормально.

— Я только что приехал с торжественного заседания. Там выступал Никита Сергеевич, говорил он просто замечательно,— заливался Игнатов.

Эти слова резанули мой слух. Такого я давно не слышал. Последнее время он вообще иначе как «Хрущ» не говорил, а тут — «Никита Сергеевич... говорил замечательно...». Очень мне такой оборот не понравился. Тридцатого сентября я позвонил Игнатову опять. На душе было неспокойно. Николай Григорьевич сам взял трубку.

— Что тебе нужно? — спрашивает.

— Да вот увидел в окнах свет и решил проверить: может, чужие в квартире. Разрешите зайти снять показания со счетчика.

— Ладно, ладно. Завтра сделаешь...— Игнатов, не закончив фразы, повесил трубку. Он явно хотел от меня отделаться. Ну... вот, собственно, и все...

Галюков вытащил платок и отер вспотевший лоб.

Я отложил ручку и стал разминать затекшие пальцы. Передо мной лежала груда листков, испещренных сокращениями, недописанными словами,— я очень торопился, стараясь не упустить ни слова.

В кабинете повисла настороженная тишина.

Микоян сидел, задумавшись, не обращая на нас никакого внимания.

Мысли его были где-то далеко. Наконец он повернул к нам голову, выражение лица было решительным, глаза блестя.

— Благодарю вас за сообщение, товарищ...

Анастас Иванович запнулся и взглянул на меня.

— Галюков, Василий Иванович Галюков,— торопливо вполголоса подсказал я.

— ...Галюков,— закончил Микоян.— Все, что вы сказали, очень важно. Вы проявили себя настоящим коммунистом. Я надеюсь, вы учитываете, что делаете это сообщение мне официально и тем самым берете на себя большую ответственность.

— Я понимаю всю меру ответственности. Перед тем как обратиться с моим сообщением, я долго думал, перепроверял себя и целиком убежден в истинности своих слов. Как коммунист и чекист, я не мог поступить иначе,— твердо ответил Галюков.

— Ну что ж, это хорошо. Я не сомневаюсь, что эти сведения вы нам сообщили с добрыми намерениями, и благодарю вас. Хочу только сказать, что мы знаем и Николая Викторовича Подгорного, и Леонида Ильича Брежнева, и Александра Николаевича Шелепина, и других товарищей как честных коммунистов, много лет беззаветно отдающих все свои силы на благо нашего народа, на благо Коммунистической партии, и продолжаем к ним относиться как к своим соратникам по общей борьбе!

Увидев, что я положил ручку, Анастас Иванович коротко бросил:

— Запиши, что я сказал!

От всего этого я несколько оторопел: для кого предназначалась столь выпенренная декларация? Галюков говорил о своих подозрениях, а эти слова перечеркивали все сказанное.

Василий Иванович недоуменно посмотрел на Микояна. В глазах мелькнул страх. А я в который раз подумал, что напрасно ввязался в это дело.

Анастас Иванович встал, давая понять, что разговор закончен.

— Если у вас будут какие-то добавления или новости, позвоните Сергею. Когда понадобится, мы вас вызовем.— И, повернув голову ко мне, Микоян закончил:— Оформи запись беседы и передай мне. Я третьего улетаю на Пицунду.

— Я тоже поеду туда, хочу догулять отпуск,— ответил я.

— Туда и привезешь запись. Никому ее не показывай, ни одному человеку. Я расскажу обо всем Никите Сергеевичу, посоветуемся.

Анастас Иванович протянул Галюкову руку.

— Сергей отвезет вас.

По ярко освещенной лестнице мы спустились в пустую прихожую. Одевались торопливо, чтобы нас не заметили. Но дом был пуст. Василий Иванович нервничал, пытался скрыть свое волнение и от этого нервничал еще больше.

Мы сели в машину.

— Анастас Иванович мне не поверил. Напрасно мы вообще к нему поехали, — огорченно произнес Галюков.

Я стал его успокаивать:

— Вы поступили совершенно правильно. Последние слова носили просто характер общей декларации. До проверки Анастас Иванович не хотел бросить тень на членов Президиума ЦК.

Василий Иванович не стал со мной спорить, но было видно, что он крайне подавлен. Условившись при необходимости созвониться, мы расстались.

Больше я Галюкова не видел. События вскоре понеслись вскачь, и было не до встреч.

Я очень беспокоился за его судьбу — наверняка Игнатов все знал и не преминул расправиться с «изменником». А может, его арестовали? Окольными путями я позднее выведал, что неприятности у Василия Ивановича были, но всерьез им не занимались и вскоре оставили в покое. Больше наши пути не перекрещивались.

На следующее утро я, как обычно, был на работе. Нужно было ликвидировать долги перед отпуском, как всегда, накопилось много дел — завершались одни проекты, начинались другие. И, главное, нужно было успеть оформить стенограмму беседы.

Расшифровать ее — я расшифрую. А как быть дальше? Печатать я не умею, а доверить эту тайну кому-то постороннему невозможно и подумать. Есть у нас, конечно, машинописное бюро, где печатают самые секретные документы. Может, отдать туда? Нет, слишком рискованно. Придется писать от руки. Почерк у меня препаршивейший, но выбора нет.

Разложив свои листочки, я принялся за работу. Писал разборчиво, почти печатными буквами. Дело продвигалось медленно. Я вспоминал каждую фразу, старался не упустить ни слова. Постепенно втянулся, разговор врезался мне в память намертво. Крупные буквы заполняли страницу за страницей. Откуда-то пришло чувство собственной значимости, причастности к решению проблем государственной важности. Тревога последних дней отступила на второй план. Свою роль я выполнил. Сейчас Микоян уже на Пицунде, там они разберутся, что к чему, и примут все необходимые решения.

Вот и последняя страница. Заявление Анастаса Ивановича я опустил — как-то оно не укладывалось в общий тон сухого перечисления фактов. Ведь пишу я не декларацию, а справку для памяти.

Аккуратно собрал исписанные листы. Получилось хорошо, читается легко, буквы все четкие, разборчивые. Мелькнула мысль: «Надо было под копирку сделать второй экземпляр». И тут же ее отбросил: «Зачем? Документ слишком секретный. Мало ли кому он может попасть в руки?» В тот момент я не мог себе представить реальной судьбы этой записки. Потом пришлось восстанавливать все по моим заметкам, благо хватило ума их не сжечь...

Теперь оставалось только проститься с Челомеем, и можно трогаться в путь. Владимир Николаевич меня принял немедленно. Он был полон впечатлений от последних встреч на полигоне и остро переживал постигшую нас неудачу. В ней он больше всего винил Дмитрия Федоровича Устинова, для которого не жалел эпитетов. Постепенно страсти улеглись, и разговор перешел на наши повседневные дела.

— Ты должен больше помогать мне,— неожиданно произнес Владимир Николаевич.

Я несколько опешил и стал говорить о наших делах, о предполагаемых решениях, своих задумках.

Челомей перебил меня:

— Нет, я о другом. Хватит тебе сидеть заместителем начальника КБ у Самойлова. Это конструкторское бюро ты должен возглавлять сам. Так лучше для дела, и мне ты сможешь больше помогать. Надо расти.

Как и всякому человеку, мне было лестно такое предложение. Похвалы всегда приятны.

К ответу я не был готов — меня моя должность устраивала, и я не задумывался о служебном продвижении, тем более что считал своих начальников людьми достойными и знающими.

В свою очередь, я задал вопрос:

— А куда вы думаете назначить Самойлова?

— Найдём куда,— отмахнулся Челомей,— пусть тебя это не беспокоит.

Но я все же стал настаивать. Чувствовалось, что у Владимира Николаевича решения нет и он начал импровизировать на ходу.

— Назначим его начальником приборного производства. Будет реализовывать твои разработки. И вообще, что ты о нем беспокоишься? Я его работой недоволен, пора менять. Ты на эту должность подходишь куда лучше.

С такой ситуацией я согласиться не мог. Самойлов много лет работал начальником КБ, с делами справлялся не хуже других, а к тому же был моим другом. Занимать его место я не хотел.

Однако спорить я не стал. О чем бы я ни говорил, что бы ни делал, в подсознании острой занозой сидели разговоры с Галюковым, его предупреждения.

Вот и сейчас я подумал: «А интересно, что бы сказал Челомей, знай он то, что знаю я? Продолжил бы он свой разговор?» Здравый смысл и практика взаимоотношений в нашем ОКБ отвечали: нет.

— Владимир Николаевич, какой смысл обсуждать все это перед отпуском? Вот вернусь, и, если вы не передумаете, можно будет возобновить разговор,— ответил я.

— Я уже все обдумал, и решение принято. Так и считай. Вернешься из отпуска, оформим приказом,— отрезал Челомей.

К этому разговору мы не возвращались никогда...

Итак, я — в отпуске.

Позади короткий перелет, и вот уже машина тормозит у знакомых зеленых ворот пицундской дачи. В доме все идет по давно заведенному распорядку. Отец занят послеобеденной почтой.

Коротко здороваемся.

— Ты пообедай, а я пока закончу читать. Потом пойдем погуляем, — говорит он и возвращается к тоненьким листочкам с красной типографской шапкой — расшифрованным донесениям посллов.

Все как обычно.

Через час-полтора дела закончены, и мы выходим на аллею, тянущуюся вдоль пляжа. Но сначала заходим в соседний дом за Микояном.

Мне не терпится узнать, что же происходит, но вопросов не задаю. Надо будет — сами скажут.

И все-таки, не утерпев, вставляю в их разговор:

— Я привез запись, Анастас Иванович. Что с ней делать?

— Вернемся, отдашь Анастасу, — отвечает за Микояна отец. — Вчера приезжал к нам Воробьев, секретарь Краснодарского крайкома, — продолжил он. — Мы его спросили обо всех этих разговорах с Игнатовым. Он все начисто отрицал. Оказывается, ничего подобного не было. Он нас заверил, что информация этого человека, забыл его фамилию, — плод воображения. Он у нас тут целый день был. Еще пару индюков в подарок привез, очень красивых. Ты сходи на хозяйственный двор, посмотри.

Считая тему исчерпанной, отец вернулся к текущим делам.

Я оторопел. Так, значит, они все эти дни не только ничего не принимали, но даже не пытались выяснить, соответствует ли истине полученная информация?!

«Поговорили с Воробьевым», — но если он действительно о чем-то договаривался с Игнатовым, что-то знает, то, без сомнения, им ничего не скажет. Интересно, чего они ожидали: признания в подготовке отстранения Хрущева? Что это? Наивность? Как можно проявлять такое легкомыслие?

Только значительно позже я понял истоки поведения отца. Он не верил, не хотел верить в возможность такого поворота событий. Ведь люди, в адрес которых выдвинуты обвинения, были его друзьями в течение десятилетий! Если не верить им, то кому же верить? К тому же семидесятилетний отец устал, безмерно устал морально и физически. У него не было ни сил, ни желания вступать в борьбу за власть. Пусть все идет своим чередом, я вмешиваться не буду, очевидно, решил он.

...Дорожка была узкой, втроем в ряд не уместиться. Я несколько поотстал и предался своим невеселым мыслям. Начало смеркаться. Стал накрапывать мелкий дождичек.

Наконец мы вернулись к даче. Микоян сказал, что пойдет к себе, а после ужина зайдет. Отец пригласил его вечером посмотреть присланный из Москвы новый кинофильм.

Пока они разговаривали, я сбегал в свою комнату и принес папку с записью беседы. Правда, я уже перестал понимать, нужна ли она еще кому-нибудь здесь, на Пицунде.

Анастас Иванович, не раскрывая, сунул папку под мышку и ушел к себе.

Итак, свою роль я вышолнил до конца, мне оставалось ждать дальнейшего развития событий, если они, конечно, наступят.

Оказалось, однако, что в этот день мне уготовано участие в еще одном, правда, совсем незначительном, эпизоде.

Вечером, после окончания фильма, Анастас Иванович попросил меня зайти. Недоумевая, я пошел следом за ним.

На даче Микоян жил один. Мы поднялись на второй этаж, и он жестом пригласил меня в спальню. Там он открыл трехстворчатый гардероб и, согнувшись, полез рукой под высокую стопку белья, лежавшую на нижней полке. Повозившись, он достал из-под белья мою папку.

— Все правильно записано, только добавь в конце мои слова о том, что мы полностью доверяем и не сомневаемся в честности товарищей Подгорного, Брежнева и других, не допускаем мысли о возможности каких-то сепаратных действий с их стороны.

Микоян говорил «мы» по привычке, от имени Президиума ЦК. Меня это не удивило.

Мы вышли из спальни в столовую, точно такую же, как и у нас на даче. Даже мебель и чехлы на ней были одинаковы.

— Садись, пиши.

Я присел и начал писать. Анастас Иванович стоял рядом, изредка поглядывая через мое плечо.

Закончив писать, я протянул ему рукопись. Он внимательно прочитал последний абзац и удовлетворенно кивнул. Некоторое время он о чем-то раздумывал, потом протянул листы мне назад.

— Распишись.

Я удивился: это же не официальный документ.

— А зачем?

— Так лучше. Ведь ты же записывал беседу.

Никаких оснований возражать у меня не было. На многочисленных стенограммах, которые мне приходилось читать вслух отцу, всегда внизу стояло: «Беседу записал такой-то».

Я взял листок и расписался.

— Вот теперь все хорошо.— Анастас Иванович аккуратно подровнял листы, сложил их в папку и молча направился в спальню. Я не знал, что мне делать, и, секунду поколебавшись, так же молча последовал за ним. Микоян открыл шкаф и засунул папку под стопку рубашек.

Повернувшись, он уловил мой недоуменный взгляд.

— Здесь будет сохраннее,— немного смутившись, пояснил Анастас Иванович,— а вообще этот твой человек, видимо, много навывдумывал.

Воробьев вчера полностью все отрицал. Бывает, у людей излишне разыгрывается подозрительность.

Я попытался осторожно заметить, что если сказанное Галюковым — правда, то вряд ли Воробьев — участник всего этого дела — сразу, без каких-то доказательств, признается.

— Ладно, иди домой, — ответил Микоян, явно не желая обсуждений.

Когда я вернулся, отец уже ушел к себе дочитывать вечернюю порцию бумаг.

Утро двенадцатого октября встретило нас теплой, ясной погодой. Невысокое солнце слабо пригревало. На тумбах вокруг дома торчали шапками яркие георгины, алели канны — последние цветы уходящего летнего сезона.

О Галюкове и его предупреждениях не вспоминали. Микоян не появлялся, а отец после завтрака и массажа удобно расположился в кресле на открытой террасе плавательного бассейна, выстроенного у самой кромки воды. Рядом с ним стоял легкий плетеный столик с аппаратом «ВЧ».

Я пристроился рядом. Море притягивало взгляд. До него было метров десять.

— Что там у нас? — спросил отец помощника, державшего в одной руке толстую папку с полученными сегодня из Москвы документами. В другой у него был тугой портфель с бумагами, ждущими своей очереди: материалы новой Конституции, докладные записки, проекты постановлений, требующие изучения.

— Ничего срочного, Никита Сергеевич, — ответил Владимир Семенович Лебедев. Сегодня была его очередь докладывать почту.

— Хорошо, сейчас посмотрим. А как дела с материалами по Конституции?

— В ближайшие дни обработаем ваши замечания и представим, — как обычно вежливо улыбнулся Лебедев.

— Мы тут на свободе занялись подготовкой текста новой Конституции. Затянули это дело. Хотелось к Пленуму в ноябре подготовить редакцию для обсуждения. Я надиктовал свои мысли, сейчас над ними работают, — пояснил мне отец.

Моего ответа не требовалось. Я мог слушать доклад молча, пока очередь не доходила до секретных документов. Тогда отец обычно кратко бросал: «Сходи-ка погуляй...»

— Завтра вы принимаете француза Гастона Палевского — государственного министра. Он прилетит вечером самолетом, — напомнил Лебедев. — Вот справка о нем.

— Хорошо, положите. С гостем поступим так: привозите его часа в два. Мы с ним поговорим, а потом погуляем по парку и пообедаем вместе, — отозвался отец.

Лебедев положил на стол тонкую бумажную папку со справкой, а рядом легли толстые папки: зеленая — с материалами зарубежной прессы, красная — с шифровками послов и серо-голубая — с бумагами, поступившими из различных ведомств. Сам Владимир Семенович сел рядом на стул и приготовился докладывать. Последнее время помощники все чаще читали бумаги вслух, зрение у отца стало хуже, глаза быстро уставали. Только документы, требующие особого внимания, он читал сам.

Сегодня отец не торопился приступать к просмотру почты. День был не совсем обычным — утром должны были запустить на орбиту космический корабль «Восход» с экипажем из трех человек.

Отец внимательно следил за каждым запуском. Ракетная и космическая техника были его любимцами, и он всей душой болел за каждый новый шаг, с детской непосредственностью радовался удачам и горько переживал неполадки. Аварийных запусков с космонавтами не случилось, но никто не был от них застрахован. Именно поэтому он запрещал такие запуски приурочивать к праздникам: вдруг произойдет несчастье.

— Работайте спокойно, без спешки, не гонитесь за торжественными датами. Пускайте людей только после тщательной подготовки, — неоднократно повторял он Королеву.

Час запуска был известен отцу, и он то и дело поглядывал на небольшие прямоугольные карманные часы, подаренные ему Лео Сцилардом, известным физиком. Отец очень дорожил этими часами и с удовольствием демонстрировал их всем желающим. Часики были заключены в стальной футляр, состоящий из двух половинок, раздвигающихся в стороны. Тогда становился виден циферблат. При открывании и закрывании часы подзаводились, это особенно нравилось отцу, он любил остроумные технические решения.

Льстило ему и то, что это подарок от такой мировой знаменитости, как Сцилард.

Отец любил рассказывать, что сказал ему Сцилард, вручая эти часы:

— Я хотел подарить вам какой-нибудь сувенир, доставивший бы вам удовольствие. Не хотелось делать формальный подарок. Эти часы очень удобны, я сам ношу такие — они закрыты в корпусе и не разобьются, их не надо заводить по утрам. Нам, пожилым людям, бывает тяжело носить наручные часы, они мешают кровообращению. Надеюсь, вы будете ими пользоваться.

Искренность и сердечность очень тронули отца, запали ему в душу. И сейчас, сидя в кресле, он поигрывал часами, то и дело открывая и закрывая крышки.

— Запуск прошел, — объявил он и посмотрел на телефон. Телефон молчал.

— Еще рано, наверное, не успели получить информацию.

Обычно сразу после запуска отцу звонил заместитель Председателя Совета Министров, отвечающий за ракетную технику, докладывал о ре-

зультатах, потом звонил Королев, иногда Малиновский. Каждому хотелось первым сообщить приятную весть и получить свою порцию комплиментов.

Сам отец не звонил, не справлялся, как идут дела.

— Пусть спокойно работают. Помочь я им ничем не могу, а звонки начальства только нервируют, люди начинают спешить, могут ошибиться. В этом деле ошибки недопустимы, — разъярял он свою позицию.

На сей раз телефон молчал долго. Отец занялся бумагами, но сосредоточиться не мог. То и дело он поглядывал на массивный белый аппарат. Никто не звонил. Прошло полчаса, сорок минут — молчание становилось все более странным.

Если все благополучно, то космонавты давно на орбите: если произошла задержка или авария, то тоже должны были уже сообщить...

Мне стало не по себе. Казалось, о Хрущеве забыли, сбросили со счетов, и никто уже не интересовался ни его мнением, ни его распоряжениями. Что-то зловещее было в этом молчащем телефонном аппарате. Засосало под ложечкой, опять невольно вспомнился Галюков, события последних недель.

«Нет, это неспроста» — подумал я.

Видимо, у отца тоже появились такие мысли, и он приказал Лебедеву:

— Соедините меня со Смирновым.

— У телефона Смирнов, — через минуту доложил Владимир Семенович.

Связь действовала отлично.

Отец взял трубку.

— Товарищ Смирнов, — сдержанно произнес он, — как дела с запуском космонавтов у Королева? Почему вы не докладываете?

В голосе слышалось раздражение. Смирнов, очевидно, ответил, что с запуском все нормально, космонавты уже на орбите, чувствуют себя хорошо.

— Так почему вы мне не докладываете?

Раздражение перерастало в гнев.

— Вы обязаны были немедленно доложить мне результаты!

Смирнов, видимо, сказал, что не успел позвонить. Он, конечно, уже все знал и не торопился звонить отцу. Для него смена власти фактически произошла...

Несомненно, столь необычное поведение могло бы насторожить отца, но что он мог сделать, будучи здесь, на Пицунде...

— Как это «не успели»? Я не понимаю вас! Ваше поведение возмутительно! — бешевал отец.

Судя по реакции, Смирнов слабо оправдывался.

— Товарищ Смирнов, учтите, я требую от вас большей оперативности! Вы затягиваете решение вопросов! — Отец перешел к другой теме: — На полигоне вам поручили подготовить предложения по новой

ракете Королева. Срок давно истек, а предложений нет! Учтите, я вами недоволен!

Отец бросил трубку. Постепенно гнев его остывал.

Попросил соединить с Королевым. Тепло поздравил его с очередной победой, пожелал новых успехов коллективу.

Успокоившись, занялся текущими делами.

— Чего тебе без дела сидеть,— обратился он ко мне с улыбкой,— почитай-ка ТАСС, а Лебедев пока отдохнет.

Я открыл толстую зеленую папку и начал читать информацию ТАСС — сообщения иностранной прессы. Лебедев потихоньку ушел. Через полчаса он вернулся и сообщил, что вскоре с космическим кораблем будет установлена прямая связь.

— Никита Сергеевич, вы поприветствуете космонавтов?

— Конечно. Им это будет приятно, и для меня поговорить с ними — удовольствие. Предупредите Микояна, пусть тоже подходит.

— Связь лучше всего организовать из маленького кабинета, не надо будет подниматься на второй этаж. Журналисты очень хотят сделать снимки. Вы не возражаете? — спросил Лебедев формального разрешения, заранее зная результат.

— Конечно. Когда все будет готово, предупредите меня.

Отец обожал эти телефонные разговоры с космонавтами. Он с детской непосредственностью восхищался техникой, которая позволяет вот так просто, из дачного кабинета связаться с космическим кораблем. Он гордился этими достижениями, видел в них частичку и своего труда.

— Пусть люди порадуются, ощутят наше внимание. Им там нелегко,— повторял отец, когда к нему обращались по поводу приветствия космонавтов или их торжественной встречи в Москве.

Пришел Анастас Иванович. Они начали обсуждать какие-то дела, ожидая приглашения к телефону.

Наконец, появился Владимир Семенович Лебедев и доложил, что все готово.

Маленький кабинет — комната площадью около 15 квадратных метров — располагался рядом со столовой на первом этаже. Стены были закрыты панелями красного дерева. В углу стоял письменный стол, тоже красного дерева, затянутый зеленым сукном, с батареей телефонов на крышке. Обстановку дополняли обтянутые кожей стулья и диван с гнутой спинкой. Из-за мебели в комнате было тесновато. Двери кабинета выходили прямо на большую веранду, обращенную к морю.

Раньше здесь была проходная комната. Последнее время отцу стало трудно подниматься по лестнице, а все телефоны стояли в кабинете на втором этаже.

Вот и оборудовали этот кабинетик, чтобы отец мог без помех связаться с Москвой, когда работал на террасе.

Надо сказать, что отец не любил пользоваться кабинетом и обычно пристраивался со своими бумагами в конце обеденного стола в большой столовой на втором этаже или же внизу на свежем воздухе. Но больше всего он любил открытую террасу у плавательного бассейна.

Сейчас комната была забита людьми с фото- и киноаппаратами, по углам стояли софиты, заливавшие все вокруг ярким светом, по полу тянулись в разные стороны толстые провода.

Отец с Микояном вошли через балконную дверь. Защелкали фотоаппараты, возникла обычная в таких случаях толчея.

Дежурный связист доложил, что связь будет установлена через одну-две минуты, и, не выпуская трубки из рук, чуть-чуть посторонился, пропуская отца к креслу, стоящему у стола. Микоян расположился рядом на стуле.

Лебедев, вооружившийся фотоаппаратом, присоединился к корреспондентам. В их толпе я заметил и начальника охраны Литовченко.

Я остался у двери, стараясь не попасть в кадр. Внутри места уже не было.

— Есть связь, — торжественно объявил дежурный.

Отец взял трубку. Защелкали фотокамеры, еще ярче вспыхнули софиты. Началась киносъемка.

Разговор был похож на все предыдущие беседы с космонавтами на орбите. Взаимные поздравления и пожелания успехов перемежались шутками.

— Вот здесь рядом со мной Микоян, просто вырывает трубку, — закончил отец.

К телефону подошел Анастас Иванович. Опять поздравления, пожелания благополучного возвращения.

— Космический корабль выходит из связи, — предупредил дежурный.

Приветствия окончены. Все стали расходиться.

Подошло время обеда. Пообедали все вместе. После обеда отец остался в столовой и занялся своими бумагами. Рядом сидел Лебедев. Я примостился с книгой на диване.

Мое внимание привлекли слова Лебедева. Передавая очередной документ, он произнес:

— Это объяснение, которое написал Аджубей.

Я бросил книгу и стал прислушиваться. Отец молча прочитал отпечатанный на машинке текст и отложил листки в сторону.

Я недоумевал: что случилось?

Недавно в качестве личного представителя Хрущева Аджубей побывал в Западной Германии. Эра Аденауэра кончилась, и обе страны осторожно нащупывали почву для сближения. Одним из шагов навстречу друг другу должна была послужить поездка Аджубея в Бонн. Он был удобной фигурой: с одной стороны, лицо неофициальное, главный редактор газеты, с другой — зять Премьера. Все сказанное ему достигнет

ушей, которым информация предназначалась. На эту поездку отец возлагал большие надежды. В случае удачи он сам собирался нанести визит западным немцам.

Любопытство победило, и я задал вопрос вслух:

— Что случилось?

Отец поднял голову.

— Сам еще не понимаю. По разведывательным каналам поступила информация, что Алексей в Бонне наболтал лишнего. Я попросил его написать объяснение в Президиум ЦК. Может, какая-то провокация?..

История, как выяснилось, заключалась в следующем. Результаты советского зондажа с целью установить прямые контакты между двумя странами интересовали всех: ведь разрядка между СССР и ФРГ неизбежно меняла весь политический климат в Европе. Особо пристальное внимание привлекала поездка Аджубея в некоторых братских странах — для них многое зависело от того, как сложатся отношения СССР и Западной Германии.

Хотя руководители соцстран постоянно обменивались политической информацией, разведки дружественных государств следили за каждым шагом Аджубея в Бонне, стараясь не упустить ни одного слова.

Усердие окупилось с лихвой. В одном из донесений говорилось, что в ответ на осторожный зондаж, может ли улучшение отношений между Россией и Западной Германией повлиять на существование Берлинской стены, Аджубей якобы ответил, что, когда приедет Хрущев и увидит сам, какие немцы хорошие ребята, от стены не останется камня на камне.

История выглядела подозрительной, но наши друзья сообщили, что разговор записан на магнитофон. Положение создалось чрезвычайно щекотливое...

Обо всем этом Семичастный доложил Президиуму ЦК.

В своем объяснении Аджубей все начисто отрицал. Конечно, не исключено, что пленку подсунула разведка ФРГ, желая вбить клин между нашими странами. Но если информация Галюкова соответствовала истине, то пресловутая пленка подспела как раз вовремя. Ведь речь шла уже не об Аджубее, а о Хрущеве, который доверил ему проведение столь важной и деликатной миссии.

Эта история так и осталась невыясненной: после отставки Никиты Сергеевича ею никто не занимался. Видимо, игра была сыграна, и боннский эпизод уже никому не был нужен...

...Наступал вечер. Еще один день мирно заканчивался.

Отец и Микоян не спеша прогуливались по аллейке вдоль моря. Девятьсот метров туда, девятьсот — обратно. Сзади, стараясь не попадаться на глаза начальству, следовала охрана. Стемнело. На небе в просветах между тучами засветились первые звезды.

Прогулку прервал подбежавший дежурный:

— Никита Сергеевич, вас просит к телефону товарищ Суслов.

Все свернули к даче. Отец с Микояном вошли в маленький кабинет, где стоял аппарат «ВЧ». Я последовал за ними. Охрана осталась в парке.

Отец снял трубку.

— Слушаю вас, товарищ Суслов.

Наступила длинная пауза. Михаил Андреевич что-то говорил.

— Не понимаю, какие вопросы? Решайте без меня,— произнес отец.

Опять пауза.

— Я же отдыхаю. Что может быть такого срочного? Вернусь через две недели, тогда и обсудим.

Отец начал нервничать.

— Ничего не понимаю! Что значит «все собрались»? Вопросы сельского хозяйства будем обсуждать на Пленуме в ноябре. Еще будет время обо всем поговорить!..

Суслов продолжал настаивать.

— Хорошо,— наконец сдлся отец.— Если это так срочно, завтра я прилечу. Узнаю только, есть ли самолет. До свидания.

Он положил трубку.

— Звонил Суслов,— обратился он к Микояну.— Якобы собрались все члены Президиума и у них возникли какие-то срочные вопросы по сельскому хозяйству, которые надо обсудить перед Пленумом. Настаивают, чтобы я завтра же прилетел в Москву. Ты слышал, я хотел отложить до возвращения из отпуска, но они не соглашаются. Придется лететь. Ты полетишь?

— Конечно.

— Ну, что ж. Надо решить, как быть с завтрашней встречей, и попросить подготовить самолет... Литовченко,— позвал отец в раскрытую на балкон дверь.

Появился начальник охраны.

— Мы завтра вылетаем в Москву. Анастас Иванович тоже летит. Свяжитесь с Цыбиным¹, пусть подготовит самолет. Прием француза перенесем на утро. Побеседуем с ним полчаса. Обед отменим. После беседы перекусим и полетим. Заказывайте вылет приблизительно на двенадцать часов, если летчики успеют. Все.

Литовченко повернулся и исчез за деревьями.

Мы вернулись на аллею. Прогулка продолжалась. В воздухе повисло тягостное молчание.

Первым разговор начал отец.

— Знаешь, Анастас, нет у них никаких неотложных сельскохозяйственных проблем. Думаю, что этот звонок связан с тем, о чем нам говорил Сергей.

¹ Н. И. Цыбин — личный пилот Н. С. Хрущева.

Отец вздохнул, обернулся назад и заметил, что я иду за ними следом.

— Шел бы ты по своим делам,— произнес он, обращаясь ко мне.

Я отстал и продолжения разговора не слышал. Только потом мне стало известно, что отец сказал Микояну примерно следующее:

— Если речь идет обо мне, я бороться не стану.

А тогда, оставшись наедине со своими мыслями, я невольно подумал: «Началось...»

Бросил взгляд на море. На горизонте мое внимание привлек силуэт военного корабля. «Сторожевик пограничной охраны»,— автоматически отметил я про себя. Во время отдыха отца его резиденция охранялась и с моря. Слева, в нескольких километрах от дачи, у пирса рыбоконсервного завода постоянно дежурил пограничный катер: вдруг кто-нибудь решит высадиться с моря. Никто на него не обращал внимания, все привыкли, что он там стоит,— это была часть пейзажа.

Занятый мыслями о телефонном разговоре, я автоматически следил за приближающимся кораблем. Стремительные контуры военных кораблей всегда притягивали мой взгляд. На сей раз поведение сторожевика было необычным, он не обходил бухту по широкой дуге, чтобы потом резко свернуть к пирсу, а шел параллельно берегу на расстоянии нескольких сотен метров. Прямо напротив дачи корабль застопорил ход и остановился. Тут было слишком глубоко, чтобы бросать якорь, поэтому легкий ветерок постепенно разворачивал его носом к берегу. Людей на палубе видно не было. В вечерней тишине гулко отдавался скрежет каких-то механизмов.

Все это было очень необычно, а в связи с последними событиями — предупреждением Галюкова, звонком Суслова — выглядело даже несколько зловеще.

Неподалеку я заметил Литовченко. Он, как начальник личной охраны, должен был знать все.

Я подошел к нему и показал на черный силуэт.

— Что это он тут делает?

— Сам не понимаю. Мы запросили пограничную заставу, они ответили, что корабль пришел по распоряжению Семичастного. Я потребовал от пограничников, чтобы они отвели его на обычное место. Здесь ему быть не положено. Их место у пирса.

Быстро темнело. Чернота ночи растворила зловещий силуэт, только ярко светились желтоватые точки иллюминаторов.

Через некоторое время корабль ожил, раздались какие-то команды, что-то зазвенело, загрохотало. Потихонечку, как бы нехотя, сторожевик двинулся к пирсу, но пришвартовываться не стал, а остановился чуть поодаль, развернувшись носом к морю.

Цель прихода этого корабля так и осталась неясной. В бурном потоке последующих событий эта мелочь никого не интересовала. Вряд ли

кто-то мог предположить, что отец решит вплавь бежать в Турцию или высаживаться с десантом в районе Сухуми...

Но мрачность нависшего черного силуэта на фоне безмятежного моря врезалась мне в память. Эта фигура четко вписывалась в ощущение общего душевного беспокойства. «Все в наших руках», — как бы говорила она.

Видал ли отец этот корабль, или его появление прошло для него незамеченным — никто не знает. Спросить его об этом, естественно, никому не пришлось в голову.

Погоуляв около часа, отец и Микоян разошлись по домам. Я тоже вошел в дачу. Стемнело.

Отец стоял у маленького столика в углу столовой ипил боржом. Вид у него был усталый и расстроенный.

— Не приставай, — предупредил он, увидев, что я раскрыл рот, собираясь задать вопрос.

Допив воду, он постоял еще некоторое время со стаканом в руке, потом осторожно поставил его на столик, повернулся и медленно пошел к себе в спальню.

— Спокойной ночи, — не оборачиваясь, произнес он.

Мне очень хотелось с кем-нибудь поговорить обо всем происшедшем, посоветоваться. Я просто не мог больше хранить все, что знал, в памяти. Надо было на что-то решаться. Не могло быть сомнений, что никто, кроме отца, никаких действий предпринять не может, тем более — я, не связанный ни с кем из политических деятелей. Но мне была необходима хоть какая-то иллюзия активности.

Отец со мной говорить не хотел, да я и не рассчитывал на это. В его глазах я был мальчишкой, а с мальчишками в таком серьезном деле не советуются.

С помощниками или с Литовченко говорить не хотелось. Неизвестно, что они знают и какую роль играют во всем этом деле. Тем более за Лебедевым давно утвердилась репутация «правого», человека Суслова¹.

Я пошел шататься по комнатам. Забрел к Лебедеву. Он молча паковал бумаги в объемистые портфели. Вид у него был растерянный.

Мы обменялись ничего не значащими фразами: отъезд-де неуместен, Никита Сергеевич не успел отдохнуть, а он очень устал. Как бы сговорившись, мы не затрагивали главного.

Помяввшись у двери, я ушел.

¹ На деле, как это часто бывает в жизни, все оказалось иначе.

В трудный момент Лебедев проявил искреннюю преданность делу отца и ему лично. Он не поступился ничем и в результате был уволен из ЦК, тяжело заболел и вскоре умер. Шуйский же, в котором никто не сомневался, оказывается (как я уже писал), был осведомлен о готовящихся событиях, но скрывал информацию от отца. За это он был «вознагражден»: оставлен на работе в ЦК, где спокойно просуществовал до ухода на пенсию.

Мелькнула мысль позвонить Серго Микояну. Он мой старый друг, с ним можно всем поделиться. Тем более Анастас Иванович непосредственный участник всего этого дела. Нужно предупредить Серго о происходящих событиях.

Я понимал, что реального ничего Серго не предпримет, он так же беспомощен, как и я. Однако ум хорошо, а два лучше. Я прошел в маленький кабинет и, сняв трубку «ВЧ», попросил соединить с квартирой Микояна в Москве. Серго оказался дома. Я сказал ему, что отец с Анастасом Ивановичем срочно летят в Москву, возникли какие-то дела.

— Очень прошу тебя встретить меня,— попросил я,— надо посоветоваться.

Понятно, что я боялся доверить телефону хотя бы крупицу информации.

Серго обещал, впрочем, это ничего не значило. Вечно занятый, он всегда опаздывал, а то и вовсе не являлся на встречу. К этому все привыкли.

Я еще раз повторил:

— Обязательно встречай.

— Да, да, конечно,— беззаботно отозвался он.

Положив трубку, я отправился спать...

Утро 13 октября — последнее утро «славного десятилетия» Хрущева — встретило нас теплом и покоем. Сквозь дымку мягко светило солнце, море ласково плескалось у берега, на клумбах пестрели цветы.

Распорядок дня тоже не нарушился. Внешне отец был абсолютно спокоен. За завтраком он, как обычно, пошутил с женщиной, подающей на стол, посетовал на свою диету. Потом заговорил с помощником о текущих делах.

После завтрака отец просмотрел бумаги, хотя теперь это уже не было нужно ни ему, ни тем, кто эти бумаги направил... Но многолетняя привычка требовала исполнения ритуала. Одно только было необычным — телефоны молчали...

Литовченко доложил, что самолет подготовлен и вылет назначен на час дня. Отец только кивнул головой.

Тем временем на открытой террасе у плавательного бассейна расставили плетеные кресла, принесли фрукты и минеральную воду — готовились к приему гостя.

Делать мне было нечего, на месте не сиделось, и я вышел к морю. Пляж был пуст. Вдали у пирса маячил вчерашний сторожевик.

Отец сидел на террасе у бассейна, где должен был состояться прием, и лениво перелистывал какие-то бумаги.

Помощники вместе с Литовченко стояли чуть поодаль, перекидываясь ничего не значащими фразами.

Наконец на дорожке появилась группа незнакомых людей. Отец уже заметил их. Он не спеша поднялся, взял пиджак, висевший на

спинке соседнего кресла, и направился навстречу с улыбкой радушного хозяина.

Обычно, до начала официальных разговоров, он знакомил гостей с членами семьи, отдыхавшими с ним, показывал парк и только потом приглашал к разговору о делах. Сейчас он даже не посмотрел в мою сторону.

Продолжая улыбаться, он пожал руку гостю, переводчику и еще каким-то сопровождавшим его людям и жестом пригласил их на террасу. Все расположились вокруг небольшого летнего столика. Лебедев повертелся вокруг, убедился, что все в порядке, и уселся поблизости на случай если он понадобится.

Беседа была короткой. Меньше чем через полчаса гости удалились, а отец пошел к даче.

Последний в его жизни официальный прием закончился. Пора было собираться в Москву. Вещи уже увезли на аэродром.

Подали легкий обед — овощной суп, вареный судак. По совету врачей отец последнее время придерживался диеты.

Ели молча. С нами за столом сидели, как обычно, помощники и личный врач отца — Владимир Григорьевич Беззубик.

Это был прощальный обед, прощание с дачей, которую отец так любил, с соснами и морем. Всякое прощание навеивает грусть, а тут еще полная неизвестность впереди...

Тем временем обед закончился. Пора было ехать.

На крыльце, как обычно, нас дожидалась сестра-хозяйка — «властительница» дачи — с большим букетом осенних цветов. Так она всегда встречала и провожала своих высоких постояльцев. К этому давно привыкли, но сейчас все выглядело иначе, многозначительнее.

— До свидания, Никита Сергеевич, жаль, что мало отдохнули. Приезжайте еще. — произнесла она привычную фразу, протягивая букет.

Отец поблагодарил ее за гостеприимство и, передав букет стоявшему рядом Литовченко, сел на переднее сиденье ЗИЛа.

Машина тронулась. Вот и ворота. У левой створки вытянулся часовой.

За воротами к машине бросился какой-то человек.

— Остановите, — приказал отец.

Литовченко открыл заднюю дверь.

— Командующий Закавказским военным округом, — представился несколько запыхавшийся генерал. — Разрешите, Никита Сергеевич, вас проводить?

— Садитесь, — равнодушно ответил отец.

Тучный генерал взгромоздился сзади на откидное сиденье.

— Прошу прощения, Никита Сергеевич. Василий Павлович Мжаванадзе в Москве, отдыхает в Барвихе, а товарищ Джавахишвили уехал по районам. Мы не ожидали вашего отъезда и не смогли его предупредить, — стал извиняться генерал.

— И правильно, пусть работает. И вы напрасно приехали,— недовольно буркнул отец.— Уж раз приехали, оставайтесь,— остановил он готового выскочить генерала.

Машина тронулась.

Обычно приезжавшего на отдых отца встречали и провожали первый секретарь ЦК Компарии Грузии Мжаванадзе и Председатель Совета Министров Джавахишвили. Отец всегда ворчал на них:

— Я отдыхаю, а вы попусту тратите рабочее время. Прогул вам запишем.

Однако всерьез никогда не сердился, и эта традиция встреч и проводов сохранялась.

Мжаванадзе отшучивался:

— Отработаем сверхурочно!

На сей раз их не было. Это не было связано со срочностью отъезда, а объяснение выглядело убедительным. Оба — Мжаванадзе и Джавахишвили, — видимо, заранее уехали в Москву для участия в дальнейших событиях. Генерал же должен был компенсировать неудобство ситуации и заодно проконтролировать отъезд отца и Микояна.

По пути генерал информировал гостей о положении в сельском хозяйстве Грузии. Отец молчал, и было непонятно, слушает он или занят своими мыслями.

Наконец, приехали в аэропорт. ЗИЛ подкатил к самолету. У трапа выстроился экипаж, и личный пилот отца генерал Цыбин отдал традиционный рапорт:

— Машина к полету готова! Неполодак нет. Погода по трассе хорошая.

Его широкое лицо расплылось в улыбке. Отец пожал ему руку, стал легко подниматься по трапу. За ним последовал Микоян.

Они оба прошли в хвостовой салон. В правительственном варианте хвостовой салон Ил-18 был свободен от обычных самолетных кресел, а взамен там установили небольшой столик, диван и два широких кресла. Это было самое тихое место в самолете.

Отец не любил одиночества, и в полете в «хвосте» всегда собирались попутчики: он что-то обсуждал с помощниками, правил стенограммы своих выступлений, а то и просто разговаривал.

На сей раз было иначе.

— Оставьте нас вдвоем,— коротко приказал он.

И вот мы в воздухе. Самолет полупустой — в салоне помощники обоих государственных деятелей — Президента и Премьера, охрана, стенографистки. Деловитый Лебедев раскрыл свой необъятный желтый портфель и копается в многочисленных папках. Надо иметь недюжинную память, чтобы не запутаться в этой бумажной массе.

Стюардесса пронесит в задний салон поднос с бутылкой армянского коньяка, минеральной водой и закуской, но через минуту возвращается, неся все обратно. Не до того...

Каждый занят своими делами. Для большинства это обычный перелет — сколько они уже исколесили с отцом по нашей стране и за ее пределами.

В заднем салоне, закрывшись от всех, два человека вырабатывали линию поведения, проигрывали варианты, пытались угадать, что их ждет там, впереди, в аэропорту Внуково-2.

Теплая встреча? Едва ли...

Оцепленный войсками аэродром? Еще менее вероятно. Не те времена. Но что-то, безусловно, ждет...

А от принятых сейчас, здесь, в вибрирующем самолете, решений зависит будущее. И не только их личное, но и будущее страны, будущее дела, которому оба эти старых человека посвятили свои жизни...

...Самолет начал снижаться. Уже можно было различить отдельные деревья. Наконец, мягкий толчок. Посадка, как всегда, отличная. Сколько налетано с Николаем Ивановичем Цыбиным? Хорошо бы подсчитать. И в войну на «дугласах» в любую погоду, и потом на Украине, и из Москвы в разные уголки нашей планеты.

Самолет подрулил к правительственному павильону в аэропорту Внуково-2. Последний раз взревели моторы, и наступила тишина. Внизу — никого. Площадка перед самолетом пуста, лишь вдали маячат две фигуры. Отсюда не разберешь, кто это. Недобрый знак...

Последние годы члены Президиума ЦК гурьбой приезжали провожать и встречать отца. Он притворно хмурил брови, ругал встречавших «бездельниками», ворчал: «Что я без вас дороги не знаю», но видно было, что такая встреча ему приятна.

Теперь внизу — никого.

Медленно подкатился трап. Загадочные фигуры тоже приблизились вслед за ним. Теперь их уже можно узнать — это председатель КГБ Семичастный и начальник управления охраны Чекалов.

Отец, поблагодарив стюардесс за приятный полет, спускается по трапу первым. За ним в цепочку растянулись остальные.

Семичастный подходит к отцу, вежливо, но сдержанно здоровается: — С благополучным прибытием, Никита Сергеевич.

Потом пожимает руку Микояну.

Чекалов держится на два шага сзади, руки по швам — служба. Лицо напряжено.

Семичастный наклоняется к отцу и, как бы доверительно, сообщает вполголоса:

— Все собрались в Кремле. Ждут вас.

Роли, видно, расписаны до мелочей.

Отец поворачивается к Микояну и спокойно, даже как-то весело произносит:

— Поехали, Анастас.

На мгновение задержавшись, он ищет кого-то глазами. Меня не за-

мечает. Увидев Цыбина, улыбается, делает шаг в его сторону, жмет руку — благодарит за полет. Теперь ритуал выполнен.

Наконец, кивает на прощание своим спутникам, и они вдвоем с Микояном быстрым шагом идут к павильону. Чуть сзади следует Семичастный, за ним я, а замыкает процессию Чекалов. Он держится на несколько метров сзади, как бы отсекая нас от всего, что осталось в самолете.

Проходим пустой стеклянный павильон. Эхом отдаются шаги. В дальних углах вытягивается охрана. Дежурный предупредительно открывает большую, из цельного стекла, дверь.

Напротив двери у тротуара застыл длинный ЗИЛ-111, автомобиль отца. На площадке выстроились черные машины: еще один ЗИЛ охраны, «Чайки» Микояна и Семичастного, «Волги».

Хрущев и Микоян садятся в машину. Литовченко захлопывает дверь и занимает место впереди. Автомобиль стремительно трогается и исчезает за поворотом. За ним срываются остальные. Семичастный на ходу запрыгивает в притормозившую «Чайку». Мимо меня пробегает Чекалов.

— Тебя подвезти?

— Нет, спасибо. Меня должны встречать.

— Тогда до свидания.

Он буквально влетает в свою «Волгу» и уносится вслед, только слышится визг покрышек на повороте.

Я остаюсь один. Все произошло чрезвычайно стремительно.

Серго не видно нигде. Не было его на поле, нет и здесь. Все мои многозначительные просьбы не возымели никакого действия. Обидно. Очень он мне сейчас нужен. Хорошо еще, если он дома.

Я сажусь в машину, волнение последних минут несколько сглаживается. Как будто ничего особенного не произошло.

Едем по знакомым улицам. Тротуары полны людей — все ловят последние погожие денечки. Вот и Воробьевское шоссе. Справа возникает желтая громада каменного забора. У микояновских ворот прошу остановиться — надо все-таки найти Серго.

Мне повезло. Он с чем-то возится на втором этаже. Улыбаясь знакомой, немного виноватой улыбкой, Серго произносит:

— Понимаешь, я забыл. А потом было поздно. А добраться тебе было на чем. Так что ничего не случилось?

— Бросай свои дела. Есть важный разговор. Пошли на улицу, — говорю я ему.

Все знают, что у стен есть уши и в помещении говорить нельзя. Правда, я не думал в тот момент, что нас могут подслушать. Такая мысль не приходила в голову, просто лучше говорить на свежем воздухе.

— Пошли, — легко соглашается он.

Особняки расположены один за другим: у Микояна — № 34,

у нас — № 40. Можно пройти, минуя улицу, через соседние дворы, но тогда нужно искать ключи от калиток. По улице проще.

Я начинаю свой рассказ с разговора с Галюковым и заканчиваю встречей во Внукове, стараюсь не упустить подробностей. Постепенно увлекаюсь, мне даже начинает казаться, что речь идет о чем-то постороннем, меня не касающемся. Тревога, копившаяся последние дни, как будто притупилась. Теперь мы оба знали эту тягостную цепь событий.

Но что же происходит сейчас? У нас могли быть только предположения. Ситуации в Кремле не знал никто.

Прогуливаясь, мы перебирали варианты. В голову пришла мысль позвонить Аджубею. Ведь он главный редактор «Известий». Возможно, ему что-то известно. Во всяком случае, это была хотя бы иллюзия действий. В дом мы решили не заходить, чтобы не посвящать в это дело домашних. Незачем раньше времени поднимать панику. Зайдя в дежурку охраны, набрали номер Аджубея. Звонили мы по телефону правительственной связи, и он сам снял трубку.

Узнав меня, Аджубей ответил, что он очень занят и приехать никак не может.

Я стал его уговаривать. Аджубей отвечал все резче и раздраженнее.

Говорить, в чем дело, по телефону, а тем более от дежурного, который все слышал, мне не хотелось. И тем не менее я сказал:

— Отца и Анастаса Ивановича срочно вызвали из Пицунды на заседание в Кремль. Мы с Серго беспокоимся: что произошло? Хотели выяснить у тебя.

Аджубей ничего не знал.

— Перезвоните мне через десять минут, я постараюсь узнать, — сказал он.

Через десять минут голос его изменился до неузнаваемости. Никто ему ничего не сказал, только дежурный в Кремле ответил, что действительно идет заседание Президиума ЦК. Повестки дня он не знал.

— Мы с Серго ничего не знаем, но у нас есть некоторые соображения. Если сможешь, приезжай в особняк, — попросил я его.

У Аджубея, видимо, больше не было важных государственных дел.

— Сейчас еду, — пробормотал он.

Через двадцать минут он был у нас.

Я еще раз повторил свой рассказ. Аджубей стал звонить в разные места. Горюнову в ТАСС — ничего не знает; Семичастному в КГБ — нет на месте; Шелепину в ЦК — на заседании; Григоряну в ЦК — ничего не знает.

Так мы ничего не узнали до самого вечера. Серго ушел к себе. Я бесцельно кружил вокруг дома, хотя ноги гудели от усталости.

Около восьми часов вечера приехал отец. Машина его привычно остановилась у самых ворот. Он пошел вдоль забора по дорожке, это был обычный маршрут. Я догнал его. Несколько шагов прошли молча, я ни о чем не спрашивал. Вид у него был расстроенный и очень усталый.

- Все получилось так, как ты говорил, — начал он первым.
- Требуют твоей отставки со всех постов? — спросил я.
- Пока только с какого-нибудь одного, но это ничего не значит.

Это только начало... Надо быть ко всему готовым...

Отец замолчал.

— Вопросов не задавай. Устал я, и подумать мне надо...

Дальше шли молча. Прошли круг вдоль забора, начали второй. Он вдруг неожиданно спросил:

— Ты доктор?

Я опешил.

— Какой доктор?

— Доктор наук?

— Нет, кандидат.

— Ладно...

Опять молчание.

Прошли второй круг, и отец свернул к дому.

На звук хлопнувшей двери в прихожую вышел Аджубей. В глазах его застыл немой вопрос: что случилось?

Отец молча кивнул ему и стал подниматься на второй этаж к себе в спальню. Туда он попросил принести чай. Никто не решился его беспокоить.

Позвонили Серго. Он появился через несколько минут, но информации у него было еще меньше. Анастас Иванович приехал домой и гуляет с академиком Арзуманяном. О чем они говорят — неизвестно.

Серго предложил дожидаться отъезда Арзуманяна и поехать к нему. Наверняка они с Микояном сейчас говорят о событиях минувшего дня.

Опять надо было ждать. Серго ушел домой. Время тянулось нестерпимо медленно.

Аджубей попытался дозвониться домой Шелепину. Телефон не отвечал. Позвонил на дачу. Ответа нет. Попытки дозвониться Полянскому и еще кому-то тоже окончились неудачей. Только через несколько дней я узнал, что после отъезда отца все члены Президиума договорились к телефону не подходить: вдруг Хрущев начнет их обзванивать и ему удастся склонить кого-нибудь на свою сторону.

Часов в десять вечера снова пришел Серго с известием, что Арзуманян уехал домой. Мы заторопились, вскочили в мою машину и ринулись из ворот. На полном ходу пересекаю бульвар, тянущийся по Воробьевскому шоссе, и делаю левый поворот. Из темноты деревьев к машине бросается какой-то человек. Проскакиваю мимо него. Он не пытается нам помешать, только внимательно смотрит вслед. Ему важно разглядеть номер.

Наш путь лежит на Ленинский проспект. Там, в большом академическом доме, живет Арзуманян. Проверить, не следует ли кто-то за нами, не приходит в голову. Все слишком возбуждены. Без помех достигаем цели. Машину оставляем на улице. Теперь надо найти подъезд. Тро-

туары пустыни. Только впереди на углу маячат две характерные мужские фигуры. Мы проходим мимо, они не препятствуют, лишь пристально вглядываются в лица.

Анушаван Агафонович не удивлен столь поздним визитом. Он возбужден новостями, ему тоже хочется выговориться. Рассаживаемся в столовой вокруг стола. Комната неярко освещена лампой под тяжелым матерчатым абажуром.

Никто не знает, с чего начать.

Молчание нарушает Серго он здесь свой человек. Серго коротко рассказывает все, что нам известно о происходящем и что нас очень волнует, о чем конкретно шла речь на сегодняшнем заседании.

— Анастас Иванович просил держать наш разговор в секрете, — не решительно говорит Арзуманян, — но вам я могу рассказать. Положение очень серьезно. Никите Сергеевичу предъявлены различные претензии, и члены Президиума требуют его смещения. Заседание тщательно подготовлено: все, кроме Микояна, выступают единым фронтом. Хрущева обвиняют в разных грехах: тут и неудовлетворительное положение в сельском хозяйстве, и неуважительное отношение к членам Президиума ЦК, пренебрежение их мнением, и многое другое. Главное не в этом, ошибки есть у всех, и у Никиты Сергеевича их немало. Дело сейчас не в ошибках Никиты Сергеевича, а в линии, которую он олицетворяет и проводит. Если его не будет, к власти могут прийти сталинисты, и никто не знает, что произойдет. Нужно дать бой и не допустить смещения Хрущева. Однако боюсь, это трудновыполнимо. Впрочем, нельзя сидеть сложа руки, попробуем что-то сделать.

Его слова вселяли надежду: отец не одинок. Ведь в 1957 году большинство членов Президиума тоже требовали его отставки, но Пленум решил иначе. Теперь же все говорило о том, что надежды эти иллюзорны, опыт 1957 года был учтен, да и основная масса членов ЦК была недовольна многими нововведениями Хрущева.

Мы просидели у Арзуманянов больше часа. Хотелось узнать обо всем как можно подробнее, но Арзуманян и сам знал не слишком много. Основные обвинения, выдвинутые против отца, сейчас известны. Они отражали различные подходы к руководству народным хозяйством. К примеру, Хрущев постоянно выступал за приближение руководства к производителям. Для этого он настоял на введении децентрализованной территориальной системы хозяйствования, ввел совнархозы. Он исходил из того, что местные руководители лучше знают нужды и возможности своих регионов, следовательно, будут оперативнее решать возникающие вопросы. Министерства, в большинстве преобразованные в государственные комитеты, пусть лишь надзирают за соблюдением основных принципов государственной политики в своей отрасли. Он предложил разделить обкомы и облизполкомы на промышленные и сельские, так как и тут считал, что руководители должны быть ближе к производству, а в условиях развившегося хозяйства задачи усложни-

лись и трудно найти людей, одинаково хорошо понимающих и в промышленности, и в сельском хозяйстве.

Был принят и ряд других решений.

Естественно, все предложения предварительно обсуждались и были одобрены как Президиумом, так и Пленумами ЦК.

Но сторонники централизованного отраслевого принципа управления народным хозяйством, не высказываясь открыто, оставались в оппозиции нововведениям. И вот сейчас эти разногласия вылились наружу и стали предметом острейшей дискуссии.

Серьезным было обвинение Хрущева в недооценке других членов Президиума ЦК, в нетактичном с ними обращении, пренебрежении их мнением. Все это относилось к взаимоотношениям между людьми в высшем партийном органе, и непосвященным трудно судить о правоте и обоснованности сказанного. Чего не бывает между людьми, особенно в запале спора. Тем не менее здесь, видимо, была значительная доля истины: я сам неоднократно бывал свидетелем того, как отец, не стесняясь окружающих, выговаривал тому или иному члену Президиума за упущения в подведомственных ему вопросах.

Да и другие претензии соответствовали истине, но были, на мой взгляд, непринципиальны в серьезном споре. Их было много. Можно только привести примеры.

Стараясь приблизить руководство к производству, отец настойчиво выселял Министерство сельского хозяйства из Москвы, стремясь при этом заставить чиновников чуть ли не своими руками возделывать опытные делянки.

Или присвоение Президенту Объединенной Арабской Республики Насеру и вице-президенту Амеру званий Героев Советского Союза, вызвавшее широкое недовольство во всей стране.

Перечисление можно продолжать. И хотя все решения принимались коллективно, Президиумом ЦК, автором их справедливо считался Хрущев.

Сейчас эти обвинения сыпались на его голову, как из рога изобилия. Каждый вспоминал давние и свежие обиды.

Были претензии просто надуманные, хотя выглядели они для непосвященных довольно основательными.

Например, отца обвинили в том, что при визитах за границу он брал с собой жену или детей и возил их туда за государственный счет. Однако членам Президиума было хорошо известно, что инициатором в этом вопросе был не Хрущев, а Министерство иностранных дел, чью инициативу поддержал и «эксперт по Западу», еще до войны много поколесивший по миру, Анастас Иванович Микоян. Аргументировалось же предложение тем, что так принято на Западе и присутствие членов семьи делает визит менее формальным, а обстановку более доверительной. Нашему государству это ничего не стоило, так как расходы по приему гостей при государственных визитах несет другая сторона, а в само-

лете во время спецрейсов пустых мест всегда достаточно. Тем не менее внешне такое обвинение выглядело эффектно и впоследствии получило широкую огласку.

Арзуманян рассказал нам, что наибольшую активность проявляют Шелепин и Шелест. От имени присутствовавших с перечислением ошибок отца выступал Шелепин, он все свалил в одну кучу — и принципиальные вещи, и ерунду.

— Кстати, — обратился ко мне Арзуманян. — Шелепин сослался на то, что вам без защиты присвоили степень доктора наук.

— Так вот в чем дело! — невольно вырвалось у меня.

Присутствующие повернулись в мою сторону.

— Сегодня отец спросил, не доктор ли я. Я ничего не мог понять и стал объяснять ему, что три года назад защитил кандидатскую диссертацию и какая разница между степенью кандидата и доктора наук. Теперь ясно, откуда у него возник этот вопрос. Это чистой воды выдумка. О докторской диссертации я даже еще и не думал.

Ложь действительно была мелкой, но она очень расстроила меня. Ведь Александр Николаевич Шелепин постоянно демонстрировал мне если и не дружбу, то явное дружеское расположение. Нередко он первый звонил и поздравлял с праздниками, всегда участливо интересовался моими успехами. Этим он выделялся среди своих коллег, которые проявляли ко мне внимание только как к сыну своего товарища, и не более того. Мне, конечно, льстило дружеское отношение секретаря ЦК, хотя где-то в глубине души скрывалось чувство неудобства, ощущение какой-то неискренности со стороны Шелепина. Но я загонял его внутрь, не давал развиваться. И вот такое неприкрытое предательство. Воистину, все средства хороши...

— Очень грубо вел себя Воронов, — продолжал Арзуманян. — Он не сдерживался в выражениях. Когда Никита Сергеевич назвал членов Президиума своими друзьями, он оборвал: «У вас здесь нет друзей!»

Эта реплика даже вызвала отповедь со стороны Гришина. «Вы не правы, — возразил он, — мы все друзья Никиты Сергеевича».

Остальные выступали более сдержанно, а Брежнев, Подгорный и Косыгин вообще молчали. Микоян внес предложение освободить Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК, сохранив за ним должность Председателя Совета Министров СССР. Однако его отвергли...

...Время было позднее, мы откланялись. Оставалось только ждать завтрашнего дня. Слова Арзуманяна несколько успокоили и вселили призрачную надежду.

В то время мы не знали, что отец уже принял решение без борьбы подать в отставку. Поздно вечером он позвонил Микояну и сказал, что, если все хотят освободить его от занимаемых постов, он возражать не будет.

— Я уже стар и устал. Пусть теперь справляются сами. Главное я сделал. Отношения между нами, стиль руководства поменялись в кор-

не. Разве кому-нибудь могло пригрезиться, что мы можем сказать Сталину, что он нас не устраивает, и предложить ему уйти в отставку? От нас бы мокрого места не осталось. Теперь все иначе. Исчез страх, и разговор идет на равных. В этом моя заслуга. А бороться я не буду.

Телефон наш прослушивался, и его слова мгновенно стали известны оппонентам. Мы же ничего не знали.

Все утро четырнадцатого октября прошло в томительном ожидании. Наконец около двух часов дня позвонил дежурный из приемной отца в Кремле и передал, что он поехал домой.

Обычно днем он никогда домой не приезжал, а, экономя время, обедал в Кремле. Я встретил машину у ворот.

Отец сунул мне в руки свой черный портфель и не сказал, а выдохнул:

— Все... В отставке...

Немного помолчав, добавил:

— Не стал с ними обедать¹.

Все кончилось. Начинался новый этап жизни. Что будет впереди — не знал никто. Ясно было одно — от нас ничего не зависит, остается только ждать.

— Я сам написал заявление с просьбой освободить меня по состоянию здоровья. Теперь остается оформить решением Пленума. Сказал, что подчиняюсь дисциплине и выполняю все решения, которые примет Центральный Комитет. Еще сказал, что жить буду, где мне укажут: в Москве или в другом месте.

Что еще происходило на заседании, отец не сказал, а я не хотел травмировать его вопросами. Лишь спустя годы я узнал некоторые подробности.

Как мне рассказывали некоторые из очевидцев, ключевыми фигурами в деле отстранения отца в 1964 году были не Шелепин и Игнатов, а Брежнев с Подгорным, которые неоднократно в разговорах с членами Президиума затрагивали тему взаимоотношений с Хрущевым. Брежнев жаловался на нетерпимость Хрущева, резкие выражения в свой адрес. Особенно то, что отец назвал его как-то «бездельником».

Однако в этих разговорах речь об освобождении Хрущева не велась. Брежнев только предлагал собрать Пленум ЦК и на нем «покритиковать» стиль работы отца. Тут, очевидно, сказалась нерешительность Брежнева, который боялся последнего шага.

Когда я неоднократно пытался узнать у отца о том, что же происходило на последнем для него заседании Президиума ЦК, я неизменно получал отказ: до конца жизни воспоминания об этих событиях были для него неприятны. И только в самый последний период по отдельным от-

¹ Как правило, члены Президиума ЦК обедали вместе. Это стало своего рода традицией. Во время таких совместных обедов часто принимались важные решения, обсуждались насущные вопросы жизни страны.

рывочным высказываниям отца я составил более или менее полноценное представление о происходившем. В частности, о том, что говорил он сам в своем последнем выступлении.

Тогда, на Президиуме, отец сказал, что бороться он за власть не станет, поскольку не считает возможным идти против мнения большинства. Он говорил о роли партии и необходимости сохранения единства ее рядов, что было бы невозможно в условиях борьбы в высшем руководстве. Он извинился за возможно допущенные им грубые выражения или нетактичные поступки в отношении других членов Президиума и Секретариата ЦК, сказав, что в работе все могло быть, но вины за эти упущения он с себя не снимает. Однако он решительно отмел основные обвинения, выдвинутые против него. Отец упрекнул своих бывших соратников в отсутствии смелости — никто из них никогда не пытался заставить отца критически отнестись к собственным поступкам или решениям, все наперебой лишь поддакивали и во всем соглашались с его предложениями. Сохранить в таких условиях необходимую долю самокритичности, конечно же, архитрудно. Но никто не обратил внимания на его доводы.

Серьезные претензии были выдвинуты против отца и в отношении некоторых внешнеполитических шагов, предпринятых в период его руководства страной. По его словам, речь шла о Карибском кризисе, о событиях на Суэце и об отношениях с Китаем. Отец тогда ответил, что, судя по всему, некоторых подводит память, поскольку все решения по перечисленным вопросам принимались коллегиально, большинством голосов. А теперь всю вину за те или иные упущения пытаются свалить на него.

Отец на Пленуме не выступал, и прений не было. Насколько мне это теперь известно, их попросту не допустили, поскольку опасались возможных неожиданностей.

По положению в партии с речью на Пленуме должен был выступить Брежнев или в крайнем случае Подгорный. Однако оба они отказались. Очевидно, руководили ими этические мотивы — в течение долгого периода времени они работали бок о бок с отцом. Доклад Пленуму решили тогда поручить Суслову, как главному идеологу. Он, кстати, по слухам, ничего не знал о предстоящем перевороте, а узнав, был сильно напуган. Тем не менее и на сей раз в ситуации он сориентировался мгновенно, ведь на Пицунду отцу звонил именно Суслов.

Хочу отметить и такой эпизод.

Как говорила она сама, секретарь ЦК Компартии Украины Ольга Ильинична Иващенко, в начале октября она узнала о готовящихся событиях и попыталась по «ВЧ» дозвониться Никите Сергеевичу. Соединиться ей не удалось. Хрущев был надежно блокирован. На Пленум ее не допустили, как и другого члена ЦК — Зиновия Тимофеевича Сердюка. Боялись, как бы чего не вышло.

Вскоре их обоих освободили от занимаемых постов и отправили на пенсию.

...Возвращаюсь к тому октябрьскому дню.

После обеда отец вышел погулять. Все было необычно и непривычно в этот день — эта прогулка в рабочее время и цель ее, вернее, бесцельность. Раньше он гулял час после работы, чтобы сбросить с себя усталость, накопившуюся за день, и, немного отдохнув, приняться за вечернюю почту. Час этот был строго отмерен, ни больше, ни меньше.

Теперь последние бумаги — какие-то материалы к очередному заседанию Президиума ЦК — остались в портфеле. Там им было суждено пролежать нераскрытыми и забытыми до самой смерти отца. Он больше никогда не заглядывал в этот портфель...

Длительность нынешней прогулки ничем не ограничивалась, просто надо было убить время, хоть немного осязодобиться от нервного напряжения последних дней.

Мы шли молча. Рядом лениво трусил Арбат, немецкая овчарка, жившая в доме. Это была собака Лены — моей сестры. Раньше он относился к отцу равнодушно, не выказывал к нему никакого особого внимания. Подойдет бывало, вильнет хвостом и идет по своим делам. Сегодня же не отходил ни на шаг. С этого дня он постоянно следовал за отцом.

В конце концов я не выдержал молчания и задал интересовавший меня вопрос:

— А кого назначили?

— Первым секретарем будет Брежнев, а Председателем Совмина — Косыгин Косыгин — достойная кандидатура, — привычка отца оценивать людей, примеряя их к тому или иному посту, по-прежнему брала свое. — Еще когда освобождали Булганина, я предлагал его на эту должность. Он хорошо знает народное хозяйство и справится с работой. Насчет Брежнева сказать труднее — слишком у него мягкий характер, и слишком он поддается чужому влиянию... Не знаю, хватает ли у него сил проводить правильную линию. Ну, меня это уже не касается, я теперь пенсионер, мое дело — сторона, — в уголках рта пролегли горькие складки.

Больше мы к этой теме не возвращались.

Вечером к нам пришел Микоян.

После обеда состоялось заседание Президиума ЦК уже без участия отца. Микояна делегировали к нему проинформировать о принятых решениях.

Сели за стол в столовой, отец попросил принести чаю. Он любил чай и пил его из тонкого прозрачного стакана с ручкой, наподобие той, что бывает у чашек. Эту инструкцию — стакан с ручкой — он привез из Финляндии. Необычный стакан ему очень нравился, и он постоянно им хвастался перед гостями, демонстрируя, как удобно из него пить горячий чай, не обжигая пальцев.

Подали чай.

— Меня просили передать тебе следующее,— начал Анастас Иванович нерешительно.— Нынешняя дача и городская квартира (особняк на Ленинских горах) сохраняются за тобой пожизненно.

— Спасибо,— неопределенно отозвался отец.

Трудно было понять, что это — знак благодарности или просто подтверждение того, что он расслышал сказанное. Немного подумав, он повторил то, что уже говорил мне:

— Я готов жить там, где мне укажут.

— Охрана и обслуживающий персонал тоже останутся, но людей заменят.

Отец понимающе хмыкнул.

— Будет установлена пенсия — 500 рублей в месяц и закреплена автомашина,— Микоян замялся.— Решили сохранить за тобой должность члена Президиума Верховного Совета, правда, окончательного решения еще не приняли. Я еще предлагал учредить для тебя должность консультанта Президиума ЦК, но мое предложение отвергли.

— Это ты напрасно,— твердо сказал отец,— на это они никогда не пойдут. Зачем я им после всего, что произошло? Мои советы и неизбежное вмешательство только связывали бы им руки. Да и встречаться со мной им не доставит удовольствия... Конечно, хорошо бы иметь какое-то дело. Не знаю, как я смогу жить пенсионером, ничего не делая. Но это ты напрасно предлагал. Тем не менее спасибо, приятно чувствовать, что рядом есть друг.

Разговор закончился. Отец вышел проводить гостя.

Все эти дни стояла теплая, почти летняя погода. Вот и сейчас было тепло и солнечно.

Анастас Иванович обнял и расцеловал Хрущева. Тогда в руководстве не было принято целоваться, и потому это прощание всех растрогало.

Микоян быстро пошел к воротам. Вот его невысокая фигура скрылась за поворотом. Никита Сергеевич смотрел ему вслед. Больше они не встречались.

ХРУЩЕВ Сергей Никитич

ПЕНСИОНЕР СОЮЗНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Редактор К. С. Смирнов

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 4.01.89. Подписано к печати 24.02.89.
Формат 70 × 108^{1/2}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсет-
ная печать. Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 2,98. Уч.-изд. л. 4,46.
Тираж 150000 экз. Зак. № 22. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП.
Москва, А-137, ул. «Правды», 24.